

— „Алексей Копылов... Двадцати семи лет... убито“.

— „Да. Виновать, то, принимая во внимание его нравственное состояние, — не заслуживает ли снисхождения?“.

— „Нѣтъ, не заслуживаетъ“.

Въ толпѣ вскрикнули. Волненіе было неизобразимое. Пресѣдатель, блѣдный, не взялся за колокольчикъ; прокуроръ вскопчилъ съ мѣста, другіе присутствующіе какъ-то прятались въ своихъ креслахъ. Выходили ли они, надрогнувшись и конча короткими, этого определено никто не замѣтилъ. Пресѣдатель явился опять, стоя, и изъ за канцелярскіхъ раздалось:

— „По статьѣ... Лишеніе правъ... Двадцать летъ каторжной работы“.

Копыловъ закурилъ трубу и смотрѣлъ неподвижно своими горючатыми глазами. Когда все было прочтано, онъ поклонился присаживавшимъ. Черезъ минуту его не было за рѣшеткой.

Всѣ вставали въ суматохѣ.

Часовникъ потѣснился къ прокурору и просилъ о чемъ-то.

— „Къ нему? Сейчасъ нельзя... Ну, все равно, подѣлите вѣдь...“

* * *

— Эти противные присаживавшіе! Ахъ, маманъ, что же это? Какъ же возможно?

— Ахъ, мы прѣвый часъ не выберемъ!

— Мое, Лауновъ, мое Лауновъ!

— Радон, я отбѣшу...

— Мое Лауновъ, какъ я вамъ сочувствую!

— Ахъ, ради Бога идѣйте скорѣе!

— А гдѣ же она, сирота?

— Давно дома... Достало такъ не сидѣть до конца.

— Агайше, вы не пеняете на меня, что я весь сюда вытѣпалъ? Вотъ жизнь, вотъ ея драма...

— Охъ, отъ этихъ драмъ куда нибудь дѣваться!

— Куда вы теперь?

1874 г.

РИДНЕВА.

III.

Очеркъ.

Ноябрьское утро чуть-чуть безжизненно сияло вьюгоу, отъ которой бѣжали зѣвкія улицы. На базарной площади, скривив отяжелѣлыми подолы, шевелились сѣрые, нескладные возы; вокругъ нихъ мелькали такіе же сѣрые, занесенные снѣгомъ, шопы. Въ густомъ вѣдухѣ стонѣвъ пробѣгавшій звонъ уланскихъ обдѣвъ, въ рѣшетчатыхъ окнахъ чернѣли мерцали маленькіе огни! Но гдѣ по тротуарамъ, прижимаясь къ стѣнамъ, брѣли богомольцы. Вдали засвѣтлѣвъ приходящій повозъ и что-то потемнѣвъ глубокимъ поднялось на бѣлыхъ сумеркахъ небо. Она гостиница освѣтилась. По перерубамъ дорогъ застучали санки. Протрѣбавъ карета, озаривъ фонарями сонную слободу. Пробужденный повозомъ городъ на полчаса проснулся и заснулъ опять, еще неподвижнѣе, на улицахъ только вертѣлась метель.

Отъ вереницы, возвращавшейся съ вокзала, отстали одніе санки. Онъ были необыкновенно малы, но маленькая, толстая лошадевка едва везла ихъ шатомъ, безомощно покачивая головой противъ вѣтра. Огромный извозчикъ въ бѣломъ запонѣ, задремывавъ, занесенномъ снѣжными комками, не поворачивалъ и не покривлялся, сознавая, что это будетъ бесполезно. Въ санкахъ сидѣло что-то почти невидимое, закутанное, неподвижное. Все это ныряло въ сугробахъ между заборами слободы, выносило столбомъ вывара на плиту предъ городкомъ и едва не опрокинувшись въ ровъ у заставы. Лошадевка не прибавила шагу, даже гавиды городскіе огни. Она подвигалась по топтанинѣ и врывалась оставившись, стукнувъ поломомъ въ тротуарную тумбу.

— Нельзя ли поближе къ крыльцу? — раздалось за стѣной извозчика.

— Куда! Вонъ сколько наметло. Увезешь. Сходи, нѣ бойся!

Въ санкахъ заперевшись: сѣдокъ была женщина. Она вылезла, выказывая при тускломъ сѣбѣ дорожно-щато фонаря свою коротенькую стеганую шубку и кро-

шечныя ножки въ олушечныхъ ботинкахъ. Вѣтеръ рвалъ ее въ головы узкую шаль. При остановкѣ естественнѣ слышалось, какъ онъ выскзаетъ по пустой улицѣ. Лодка опустила голову.

— Поскорѣе, что ли, — торопилъ извозчикъ. — Вѣдь глупа, уже разбѣжалась. Мнѣ ко двору пора; мнѣ вѣдь починѣ.

Прѣзжая старалась вытиснуть изъ саней свой дорожный мѣшокъ. Ея руки, назиоши въ перчаткахъ, не поворачивались ей.

— Я не справлюсь, — сказала она. — помогите. Вы сидите, дайте мнѣ туда, на крыльцо.

Извозчикъ оглянулся и, должно быть, скалился. Не торопясь онъ кинулъ возки, вылезъ, похлопалъ руками и досталъ мѣшокъ. Лошадка не чувствовала, что оставалась на свободѣ; она вздрагивала и спала. Прѣзжая перескочила на облепённое каменное крыльцо и, шатаясь отъ вѣтра и усталости, отсккивала деньги къ карманѣ шубки. Извозчикъ бросилъ къ ея ногамъ мѣшокъ и сжалъ рукавицу.

— Прибавить бы, — сказала онъ. — съ часть ѣхали. Она безпрекословно положила ему еще пятакъ и, подхвативъ мѣшокъ, удрала имъ въ дверь.

Дверь не отворилась.

— Эхъ, барышка, не туда, — замѣтить извозчикъ.

Онъ потянуть къ себѣ тяжелый блокъ.

— Ахъ, спасибо, — выговорила прѣзжая, исчезая со своей покляжей въ сѣрыхъ сѣнахъ, гдѣ прямо отъ порога начиналась скользкая лѣтница, едва освѣщенная лампочкой.

Взобравшись, прѣзжая очутилась въ коридорѣ, гдѣ горѣла эта лампочка. Было грязно, пусто, но тепло и тихо. Прѣзжая сбросила шаль съ головы и прилонилась къ стѣнѣ, переводя дыханье. Въ ея ухахъ еще гудѣли поводы и вѣютъ. Она долго осталась бы такъ, если бы дала себѣ волю, но заставила себя очнуться, оглянулась и постукала въ дверь, на которой было написано „Вуфетъ“.

Вышелъ половой.

— Комнату, — выговорила прѣзжая.

— Съ машинъ? Что такъ изволили запоздать? — заго-

ворить онъ. — Пожалуйте. Какой номеръ требуете? Въ рубль, въ два рубля...

— Нѣтъ, дешево.

Половой оглянуть ее и ея мѣшокъ.

— Такъ ступайте выше, вонъ туда, по лѣстницѣ.

— Проводите меня.

— Такъ укажутъ.

Прѣзжая подняла свой мѣшокъ и пошла. Ей поостановилось: на ступкѣ ея усталыхъ шаговъ съ верха лѣстницы выгинула заспанная фигура съ оплывающей свѣчей и спросила:

— Съ машинъ?

— Да, Комнату, — повторила прѣзжая.

— Пожалуйте-съ. Отличный вамъ номерокъ. Семьдесятъ пять копеечекъ. Пожалуйте! Окошки на улицу. Сажайте, прикажете?

— Нѣтъ, мнѣ ничего не нужно... пока, — прибавила она входи, между тѣмъ какъ ее охватывалъ сильный вѣздъ жарко натопленной комнаты. — Есть ли замочекъ у дверей?

— Все въ порядкѣ-съ. Номеръ восемнадцатый, — объявлялъ служитель, перекладывая ключъ внутрь двери. — Если что потребуете, извольте позвать меня: Герасимъ. Звонка нѣтъ. Женская прислуга при этихъ номерахъ не полагается.

Онъ наконецъ вышелъ.

Прѣзжая заперла дверь, сбросила шубку, шланку съ чернымъ крученымъ перомъ и стала стаскивать свои застѣжные ботинки. У нея наверху слезы. Кончить все, она бросилась на постель, утомленная до того, что даже не оглянула ея.

* * *

Прѣзжей крѣпко спалось. Кажется, счастье она единственное, которое люди признаютъ безосторно. Отчего же они такъ боятся сна покрывче и поглубже?

На дворѣ было солнечно и морозно постъ ночной вьюги. Въ гостиницѣ давно поднялся весь ночной и необходимый обиходный шумъ. Прѣзжая проснулась, вскопчила, оглядываясь, не унаваивъ мѣста, не видя ничего въ обледенелое окно, — въ испугъ, что проспала и опоздала. У нея не было часовъ. Торопясь она стала одѣваться.

Она была молода и хороша собой, несмотря на худобу, которая дала еще изысканнее ей замечательно стройный стан. Темно-золотистые волосы были роскошны. Она с какой-то ласковой улыбкой собирала их и укладывала венок на маленькой головке, всматриваясь в тусклое зеркало, есившее против света, и чуть-чуть улыбаясь. Ея губы были сухи и слегка поблекли. Больше, глубокие глаза казались еще темнее от длинных ресниц и будто вспыхивали, когда молодой женщины взгляд падал прямо. Эти глаза не смотрели просто даже на простые предметы; в них была постоянная, беспокойная жизнь, светлая, капризная и прелестная...

Она одевалась, и хотя сблизилась, но были минуты, в которые у нее будто опадали руки. Она достала из миски черное шелковое платье и осмотрела его с внимательной досадой: платье было смато. У нее вырвалось движение изогнутой шеей. Усталая она со злостью бросила все на прованный диван, будто сейчас только замкнуть грязь своего помещения.

— Что за гадость! — вырвалось у нее громко.

Она прошла по комнате. Обои были с заплатками, с окна текло, в форточку дуло. Вчерашняя духота замывалась пропитательной сыростью. Молодая женщина озарила, ей хотелось встать.

Она достала большой мужской бумажник с записной книжкой, выложила из него на стол три ассигнации, несколько мелочи и принялась считать, записывая карандашом. Счет шел неуспешно. Она обшарила карманы шубы и нашла еще какую-то мзду. Но вычисление не подвиглось. Сь новым порывом злости она кинула карандаш и вь один миг оделась, ловко, грациозно, как особа привычная.

— Будь что будет! — выговорила она, пошла к дверям, остановилась и заплакала.

Это были слезы переговоров, ропота, обидности и стыда за низость этих слез. И еще больше горькая — слезы одиночества.

— Милые! — вскричала она: — ну, что же? ну, будешь у меня кусок хлеба... вась-то нять!

Из записной книжки высовывалась фотографическая карточка: молодой, красивый мужчина с крошечной дь-

вочкой на руках. Молодая женщина прижимала к груди эту карточку и цвела.

В дверь стукнули; она вскопчила.

— Кто там?

— Самоварь, прикажете?

— Ничего не нужно, — отыгнула она рубко и вдруг оправившись протворила дверь. — Который час?

— Двенадцать скоро. Сь московской машины уже приехали. Да хозяйка есть? спросит ваш вид.

— Я останусь здесь только до завтра.

— Все-таки, может, спросить. Записать надо на доску.

— Запишите "Ридена". Я сейчас уйду.

— Это какь вамь угодно.

— Возьмите ключи!

Она нагнула шубу и надела шляпку; то и другое были еще влажны от вчерашней влаги. Глядя, какь молодая женщина скоро, ловко и величаво шла по коридору, полойной засмывался.

— Там же, барыня! — сказать онь, выходя ея дверь.

* *

"Барыня" между тем вышла на улицу. Эонь был знаком ей давно, хотя она уже много лет оставила его. Если бы покойники возвращались на мьста своего земного жительства, они конечно испытывали бы чувство этой молодой женщины. Она шла, припоминая дорогу по церкви, по общественным зданиям. Перебь было много. Она припоминала, какь жила здесь, — вот в этом большом доме, тут внизу магазин, а на верхнем этаже голубая доска с надписью "Телеграф". Вот эти окна были ея комната. Этот рядь оконь. — Зал, тут отец давал багн, а она танцовала.

— Я мать умерла давно; она ея не знала. Все, что она знала, — это, что она — единственная дочь, что отец немжно богат, что ее обожают. У нее перебивалась десятков гувенанток и полные шкафы игрушек и нарядов. Поэтомь она какь-то слышала, что существуют какие-то откупы, что отец — предсдатель какой-то палаты и эти откупы от него зависят, что будешь очень нехорошо, если они отойдут. Куда отойдут и какь, и

простою "что такое "отойти" — она не понимала и не могла объяснить. Она слышала в то же время, когда еще многое переживала и тоже будет хорошо, кто ей до этого не было дѣла. Именно тогда ей было особенно весело: ей минуло четырнадцать лѣтъ; у ней была предвѣстная, премилая, прехорошенькая гувернантка, мадамъ Вильдольдъ, которая попросила отца давать вечера, чтобы научить Лизу къ обществу. Лиза хозяйничала, на этихъ вечерахъ, какъ болельщица. Дамы обращались съ ней немного покровительственно, но очень мило, а дѣвочки — она знала навѣрное — завидовали ей. Со злости, отъ насчитывали ей лишніе года, и это для нихъ же было хуже: молодые люди сажли Лизу въ самомъ дѣлѣ болельщицею и обвѣстивали ей въ любви.

Очень была хорошо, только не долго. Отецъ вырвать шесть въ отставку, откупилъ совсѣмъ уничтожился, мадамъ Вильдольдъ вырвать за что-то разсердилась и уѣхала. Отецъ сказалъ Лизѣ, что больше не возьметъ ей гувернантки. Лиза была очень довольна; она и сама умѣла принимать гостей, а учиться — она уже прекратила ходить по-французски, играла на фортепьяно, рисовала, шила, даже умѣла дѣлать ихъ изъ папиросной бумаги, вышивала иногда по канвѣ, на рукахъ конечно, чтобы не кривить талии, а танцовала въ совершенствѣ. Она и пѣла, но въ то время у дѣвчушекъ было не въ морѣ пѣть романсы.

Воспитаніе Лизы могло считаться вполне оконченнымъ. У ней было уже нѣсколько жениховъ. Отецъ что-то сталъ потоваривать, что пора ей замужъ, даже предлагалъ одного. Но конечно это была шутка; женихъ былъ сѣдъ и страшный, и Лиза только смѣялась. Когда случалась этой шуткой, она заплакала, — отецъ испугался, расплакался самъ, и, чтобы утѣшить ее, накупилъ ей нарядовъ и задарилъ праздники.

Къ черту его, старая! — твердить онъ, самъ не знала, какъ успокоится.

Лиза хохотала. Слѣзая она была очаровательна, и конечно ей уже ни въ чемъ отказать было невозможно. Дѣло было дѣлать. Лиза не имѣла понятія о деревнѣ. На богатой дачѣ, которую отецъ нанималъ въ окрестностяхъ Энка, жизнь была похожа на городскую; тамъ же гости, наряды, танцы при свѣтѣхъ фонарей,

получки въ крытыхъ экипажахъ и въ цѣбникахъ, дѣвочки поглядывали какъ-то волшебю, неизвѣстно кѣмъ и когда посаженные. Но въ это лѣто ей вырвать подобноса одинъ замѣшанный садъ-отгородъ, съ кустами крыжовника, со смѣлкой — доской, приложенной на кипичахъ, — садъ, тутъ всѣ роскоши флоры состояли въ двухъ длинныхъ калывахъ (одна палева, другая блѣдно-красная), тутъ была всего одна дорожка, и та загнута стелющейся травой. Этотъ садъ...

(„Онъ мой теперь“ — подумала она, сворачивая въ переулокъ съ Большой Дворянской улицы.)

Этотъ садъ принадлежалъ старухѣ Аннѣ Ивановнѣ Ридневой. Какъ эта старуха познакомилась въ домъ отца, за какиѣ дѣломъ она тамъ бывала, Лиза конечно не знала. Но старуха приходила часто, отецъ удивлялся ее въ своей кабинетъ, и если, возвращаясь оттуда, она заставала Лизу въ садѣ, то всегда останавливалась, спрашивала о здоровьѣ, цѣловала ее, хвалила; а если была штучка. Тамъ ограничивалось знакомство.

Вскорѣ послѣ изгнанія старато жениха отецъ былъ особенно озабоченъ. Разъ онъ позвалъ Лизу въ кабинетъ и вручилъ ей толстую папку денгъ.

— Душа моя, съведи сама къ Ридневой и удай ей изъ рукъ въ руки. Тутъ двѣ тысячи. Она тебѣ дастъ расписку. Понимаешь?

Лиза ничего не понимала, но отвѣтила:

— Хорошо.

— Мнѣ самому некогда, а послать не съ кѣмъ. — сумрачно продолжалъ отецъ. — Это — ея деньги. Пусть одѣтъ, что Богу угодно, но чтобы бѣдный человѣкъ на насъ не плакался.

Лиза, все-таки ничего не понимая, поглядѣла отца; какъ-то вырвать, почему-то онъ показався ей жалокъ. Онъ особенно крѣпко обнялъ ее, она ушла, непривычно взволнованная... Все это вспоминалось ей много времени спустя. Она отпраивлась къ Ридневой. Она всегда помнила, какъ была хороша въ это утро и какъ къ лицу одѣта. Было старухи на подлѣздѣ ея трехколоннаго дома Лизу встрѣтила молодой человѣкъ.

Этому прошло девять лѣтъ... Девять лѣтъ! Прелесть первой любви, блаженство, которому слово

нѣтъ, блаженство, не какъ нѣгудъ скучно отъренное судебной, счастливое съ огидкой, казненное съ сомнѣнѣмъ, съ ревностью, съ усталостью, — нѣтъ, блаженство, которое люба дается изобрѣтѣнѣмъ, въ полномъ цвѣтѣ, въ всемъ сланинѣ... О, что бы ни было прежде, послѣ — тогда, нужде, утратѣ, разрушеніи, всего, что наложало жизнь, нищета, униженіе, смерть ребенка, ради котораго кинуться въ море, — все, все исчезаетъ предъ намъ, пересилью свиданіи, первого взгляда!

Они полюбились другъ друга съ перваго взгляда. Триша Ридневъ былъ студентъ на юридическомъ факультетѣ, полюбилъ И. началъ было безконечныя прогулки въ отгородѣ, полюбилъ поить широкане воробьевъ. Ему было двадцать два года, Лиза — шестнадцать.

Панаша, я хочу замужъ, — сказала она. Отецъ остановился день-о-два сумрачнѣе. Онъ спросилъ, кто она полюбила. Лиза назвала смѣло; она стояла бы за свое слово, если бы ей стали противорѣчить. Но отецъ не противорѣчилъ; онъ только сказалъ улыбаясь, когда они оба, смущенные, стояли предъ нимъ: — Ты хоти дай ему курить кончикъ.

Ридневъ самъ не думалъ иначе, хотя приходилось ждать еще два года; онъ даже скоро уѣхалъ изъ Эниска на какой-то урокъ. Лиза плакала, недоумевала на такую холостность, но въ ней самой произошла какая-то перемена: она сама себя казалась серьезнѣе, говорила о трудѣ, о занятыхъ. Она слышала, что мурено свѣтской дѣвчѣ сдѣлаться трудной женщиной, что нельзя пристраститься къ занятіямъ, въ которыхъ съ дѣтства мы не признавали ни важности, ни смелости, но она, твердая, что такъ слѣдуетъ сдѣлать, если возможно. Дѣти не это было невозможно; учиться было не у кого и не когда. Получая письма Риднева, покрывая ихъ подѣлками и не понимая въ нихъ поговорокъ, Лиза говорила себѣ, что тогда онъ всему ее научитъ. Она бросалась читать, и читала романы. Скоро стало даже и не до романовъ.

Отецъ совсѣмъ разорился. Два года предъ тѣмъ „отпущеніе“ эти неостаточные откупы, теперь „доплатили“ какихъ-то акцій, бѣжалъ какой-то касиръ; нужно было переехать, другому только что построеному желѣзному мосту. Лиза помнила, какъ праздновали закладку этой дороги, застрахали въ поѣздѣ, въ палаткѣ, все было убрано кассей,

а шествіе — цѣлыя оркестры! Когда уѣхалъ архіерей, пришла музыка, танцовали. А теперь отецъ отплатилъ мосту. Тоть господинъ „приказалъ“ его. Вотъ знаетъ чѣмъ все продали: экипажи, лошадей, домъ. Постыднее — она сама сказала отцу, чтобы продать ее бриллианты; онъ дошло не хотѣлъ. Старуха Риднева продала шубки Лизы и что было приготовлено въ домъ въ приданое, и платя... тоже кому-то въ приданое, въ деревню. Шкапулочка осталась одна съ инкустациями. Лиза было ужасно жалко: у себя, сказала, что бережечь.

Вотъ сейчасъ увижу ее, должно быть, цѣла, — сказала она себѣ и привалила шага. — Однако какъ далеко. Какъ холостой! — сырая стѣнная шубка застыла у нея на плечахъ.

Уѣхали отсюда... съ ночнымъ поѣздомъ, въ третью классу. Вѣтромъ начало похолодало: съ тѣхъ поръ нѣмало бѣднота.

„Да что же это было такое“.

Риднева остановилась на минутку, будто удивилась, будто все ужасы прожитого представили предъ нею въ первый разъ, будто она вспомнила не про себя, а про какую-то другую женщину, которой довелось вынести то, что она вынесла.

„Срамъ. Три года всякихъ униженій! Увѣдѣнный городецъ, квартира... каморка какая-то, потолка текстиль, развѣшанная свѣтлосѣ, чуть головы не проломилась. Отецъ, на старости лѣтъ, нашелъ службу: на телеграфъ, по слѣдѣ, по ночамъ, ревизовалъ кабаки. А она... ну, все дѣла. Нужно было пить и вѣсть. А то не было чѣмъ и поить. Зубы-то молодые, здоровые. Ахъ, какъ вѣсть хотѣлось!“

* * *

Риднева и теперь была голодна. Забывъ мѣстность и задумавшись, она ошиблась на перекресткахъ и зашла — не знала, куда: она никогда тутъ не была. Какой-то пошлый, въѣверъ, на солнышкѣ, крутить верхушки сурововъ; въ коннѣ — поле, по краямъ — съ десяткомъ кривыхъ домишекъ и стая собакъ.

Баба съ веревкой переходила улицу.

— Убейте собак! — закричала ей Риднева.

Баба не слышала от холода и ветра, который прохвывал ее сквозь рубаху и жиденький платок, накрывший на голову. Только усиленный крик заставлял ее оглянуться. Она ласнула багровою голой рукой и продолжала идти.

Как тут пройти к Покрову? — спросила Риднева.

Баба еще раз оглянулась, заставила еще раз повторить вопрос, зачала головой и пошла.

Кд. Покрову? — кричала Риднева.

Мы деревенски. Вон спроси! — отвечала баба, показывая на один ворота и ушла.

Под навесом ворот стояли мужчины, мастеров или мясники — хозяин, в тулуп, и курить папиросу. Они были пьяны, день был праздничный.

Риднева добралась до него, по-колбено вь снвту.

Вь какую сторону идти кд. Покрову? — повторила она вь, десятый раз.

Он потянулся на нее вь упор, будто лобусь против ее шипки и молчком подобромь еи платья, бросил папиросу, засмьбился, исчез вь калитку и, стукнув засовом.

— Черть вась всьхь козьми! — вскрикнула Риднева.

Она повернула назад, отмахиваясь оть собакам. Ее душили слезы, злость, вся нравственная и физическая пытка, кд. которой вь столько лтьв она не могла прьвкнуть.

— Проклятые! — твердила она, — а подьбжай я вь кареть... Да нтьв ихь, кареть-то, забыла, какь вь нихь садится. Воть такь-то всю молодость, всю жизнь, а вьреда... Да что вьпередь? Настьдство тетеньки Анны Ивоньны? Вонючий домишко у Покрова? Воньдильный черть возьми все, лучше разомь утопиться! Ну, чего я иду, чего добиваюсь? Осторода, что ли, я буду расакивать? Песець разволнить да пухь продавать? Вь двадцать пять лтьв? Женишка, что ли, себь искать изь новьхь вьров? Да меня, вьовицы, безпряданница, и болыничный фельдшерь не возьметь... О, Господи!

Она закашлялась, задыхалась.

— Еще занеможешь... Нтьв, шашинь: хворать не по карману. А не все ли равно? Ну, отравлюсь, все равно — могла: вь поле стащить или замуроватьси у Покрова.

Стройная старинная колокольня сь чешучатой кровлей вырвалась на яркомь небь. Широкая бьлая площадь, заидельные, пушистые сьды назисли надь низенькими, изгородями, надь низенькими кровлями. Господи! Воть кровли, воть домь! Тамь была, скорешня, уморительныя черныя птички... Господи, столько лтьв!

Риднева забыла, усталость, забыла все и подьбжала.

Пыльное малое утро зарывлось надь этой сьнжкою полною. Все умерло — эта пьмать не умерла! Поколонться милому пороту, вьлннуть на стьны, тьв родилась, тьв сладко прожила свое утро ничьв не омраченна любовью.

Тогда... О, куда уже, кажется, все кончилось, все оставили, все было продано, все заложено, отець не вьстал, другу не дьвило, вь домь не было хьба, — оть прьвхаль... Тьлько что полгучить мьсто, прьлететь! А прьвть тьв уже и не писалъ повода, самь не зналь, что сь нимь будеть. Сейчась повьчались.

— Но было же это, было! — повторила Риднева, заидьвшись и останавливаясь будто прьдть черной молчлой, вь которую сложилась сначала багровица, бездмьного, вьнорьдого, несъяснато. отца, потомь его, — его, мьлого, и сь нимь свою молодость! Оставалось еще одно — крошкь дьвочка. Нтьв, надо было и ее туда же! Видно, мало ихь гьветь тамь! Видно, когда у бьдмьхь отнимается что нибудь, такь отнимается до конца, до постьдмьто, — отнимается и ангель-хранитель! Для нев, для того, чтобы кормить ее... Господи Боже!

Прьдть Ридневой мелькнули подмостки провинцальской сьены, запачканныя кулсы, вьороха всякаго хлама, расписанныя лица вь тумань керосиновой тари и тьдайного дьма; вь еи ушахь зазвенеть пошлый мотивь сь безстыдными словами... Она вьтрахнула, головой, будто отмахивалась.

— Ну, это конечно, конечно! Теперь начнется другое... Что бы, ни началось, хуже не будеть!

Она тяжело передохнула и пошла, опустивь голову, уже не огляньваясь.

Кудильно было новое, какь-то иначе. Риднева не удивилась, даже не замьтила, что стьны были открьты и кругомь все смотрьло жилимь. Но звонка не было, подьбдть отперть и подновить тоже, дверь изь сьней оть вь крестовский, вьполн. совр. соч., т. III.

перца. Риднева отворила. Ее обдали жаром, шумом, удушливый запахом ды и вина. Съ морозного воя дукать комнать казалось тепло и въ темнотѣ дивна-лось что-то много народа. Риднева поскользнулась на грязномъ пороѣ и удержалась за прилобку.

— Вамъ чего?—раздался голосъ.

— Проще нею стояла толстая, крестоплечная женщина. — Это—домъ Анны Ивановны Ридневой?—спросила привакая, неловко отклонившись отъ этой фигуры, ея кру-пнѣе, тѣе и ея дыкала.

— Никакой тутъ Анны Ивановны нѣтъ.

— Ея нѣтъ, я знаю. Но этотъ домъ—ея?

— Не ея этотъ домъ. Риднева одну секунду оцумалась. Не понимая, что крутомъ нея, она потянулась, что и сама говорить немо-жетъ.

— Я знаю, Анна Ивановна Риднева умерла, — сказа-зала она. — Но это былъ ея домъ, а я—хозяйка, настыв-нина.

Женщина захохотала.

— Проклятый!—сказала она, кудакомъ отворяя дверь, къ которой прислонилась привакая.

— Что вы!—вскричала Риднева, чуть не упавъ.

— Много васъ такихъ-то! Проваливай!—Оставьте, что-дако такое! Кого тутъ спросить? Риднева—моя тетя...

— Проваливай!—повторила женщина. — Вишь, въ шел-ковнѣхъ платьяхъ, уши заморожены, раскрасавица по брук-тиракъ текунѣе, разсыпавшись!

Вокругъ нихъ собрались вѣртели изъ за столовъ, гдѣ были.

— Это ни на что непохоже! скажите толкомъ...

— Убравшись—закричала женщина. — Позвольте, Марья Петровна! что ужъ вы? — вслу-пился одинъ изъ гостей, неловко, увѣренный душить державшись за нотахъ. Онъ былъ въ черномъ фракѣ изъ дешевого сукна и при часахъ съ подвѣсками—оче-видно, такетъ—позвольте вамъ объяснить, обратилась онъ къ Ридневой. — Тутъ съ вашей стороны опинка. Домъ этотъ действительно кому нибудь принадлежалъ, только теперь онъ, знаешь, купленъ. Второю гильди кунце. Ари-стерфа Семеновича Баранова. Точно такъ-съ.

— Купленъ?—повторила Риднева.

— Не извольте сомнѣваться. И потому въ немъ трак-торное заведение; въ этомъ конѣ горюда единственное, потому...

— Купленъ... Кунце же?

— Должно быть, не такъ давно. Кунце купленъ? — повелительно обратился онъ къ женщинамъ: — въ какомъ мѣстѣ?

— А кто его знаетъ! Да что онъ...

— Ужъ это позвольте, Марья Петровна, хотя вы здѣсь и за хозяйку, а не ваше дѣло; мы объяснимъ, по-тому сейчасъ видно — благородная дама... Осенью, ма-дамъ, должно быть, продать. Вы, должно быть, въ раз-сѣянности не примѣтили, вывѣска: "Трактиръ Тапскентъ" а другая половина, вывѣска тоже...

— Продать!

— Такъ точно-съ.

— Не можетъ быть!

— Ахъ, ты, бабонка, не угадал! Дома не угадывать! — Не извольте беспокоиться, мадамъ. У господина Баранова дѣла въ аккуртности; хотя справку наведе-дите.

— Справку? У кого?

— Не вѣрите еще!—закричала женщина.

— Дакей спиходительно засмѣялся.

— У кого угодно можно справиться, — отвѣтить онъ затруднился.

— У кого же?

— Да у нотариуса; нынѣ всѣ дѣла тамъ, — отозвался одинъ изъ посетителей, возвращавшійся отъ двери опять къ открытому столу.

— У нотариуса?

— Такъ точно-съ.

— Дакей тоже хотѣлъ отойти.

— Постойте... Извините, — выговорила Риднева торо-пясь и теряясь. — Кто здѣсь нотариусъ?

— Ихъ много-съ.

— Старшаво спросите, — крикнули ей изъ-за стола.

— Кто старшаво?

— Господинъ Епепицъ, — отвѣтилъ дакей и обратилосъ къ оной компании: — они у насъ закономъ, постоянно бы-ваютъ. Недавно совершили актъ. Наши господа...

платность заплатами, и так-то быть было, знаете, доводило. Что ему за диво? Он сам давно въ тысячах, — возразил гость изъ-за стола. — Вѣдь Епещикъ-то, — обрадовался онъ къ другимъ, — еще давно, при Солонцовѣ, въ казенной палатѣ былъ, на побѣдкахъ при немъ со стоялъ. Еще тогда грѣбъ, да секретно, притаился. А какъ Солонцовъ покончился, другіе порядки — времена, вошли, этотъ и вылезъ. Епещикъ въ тысячахъ!

— Епещикъ, — повторила молодая женщина. — Онъ — Олимпиада о немъ, что ли? — спросила, обводя рукой. — Еще Солонцова не знавали ли? Нелѣпную дорогу у насъ строить. Попирова, да въ трубу вылетѣть.

— Тутъ живетъ Епещикъ — прервала Риднева. — Свой домъ у него. Тутъ. Извозчикъ — предложитъ. Прикажете вамъ, мадамъ, извозчика? — предложить давай.

Риднева толкнула дверь, пачка рукава своей шубки, и выскочила на улицу. Невольно, отчаянно, еще разъ, она оглянулась на домъ. Да, точно, на углу, къ саду, окно, у котораго она бывало сидѣла съ Гриншей, изъ того окна слышана какая-то ласка, приманчиво, при ступки и надъ всѣмъ — красная напиль. Распачено и на выносъ...

Риднева уже ничего не вспоминала. Прошлое скрылось, будто огни свѣчей, когда похороны прошли и по- несли за уголъ. Подступало настоящее, подступала действительность, черная, безпокойная, грозная и тус- ная...

Теперь она поняла (будто до сихъ поръ не понимала), что это насытство тетки было бы въ самомъ дѣлѣ сна- сение. Былъ бы уголъ, ключекъ собственности, чтонибудь...

Какъ же это могло случиться? Невозможно! — Невозможно! — повторила она себѣ. — Тетка писала по- ложительно: „Прѣзжай, все твое“. Она писала въ са- стѣ; прѣзжать было нельзя, гроза не было. А въ сен- тюръ занемогла дѣвочка... Господи, что же это? Да невозможно, есть какойнибудь судъ, справедливость? Какъ же такъ сдѣлать: „все твое“, — а домъ пропалъ. Дамъ и вещи были; домъ не бываетъ пустой. Тетка

скупя была. Грisha тогда какъ-то послать ей материн на платье (вотъ очень нужно было?) — она писала, что „куда ей шить“, что она бережетъ, прачетъ... И деньги были: вѣдь она намъ ничего не давала; по рукамъ ко- нечно въ процѣтахъ ходили... Тутъ мошенничество. Эти купчихи вездѣ вывѣютъ. Ну, тогда же, я этого такъ не оставлю!.. Но что, если, въ самомъ дѣлѣ? Невоз- можно. Однако, что тогда дѣлать?

— Вернется! — раздалось у ней надъ головой. Риднева бросилась на тротуаръ. Сани парой мчалась бѣшено и стали у этого же тротуара. Изъ нихъ выско- чила дама; мелькнули серебряный мѣхъ, зеленый бар- хатъ. Двое щеголеватыхъ молодыхъ людей пожали ей руки, и всѣ втроемъ заворочили дорогу проходившимъ. Дама говорила громко, слышалось, будто хозяйка на улицѣ. Сквозь газъ сверкали ей румяное, смуглое, лицо, свѣжія губы, прищуренныя глазки...

— Дашка, Васильева, — прошептала Риднева. — Я ей два платя подарила...

— Дама и ея спутники вошли въ кондитерскую. „Вѣдъ разжигались, — продолжала думать Риднева. — Вы отецъ... Что онъ такое былъ? Разъ онъ моему отцу та- лоши податъ“...

Она все стояла, будто чего ждала. Нарядная дама показала опять такъ же быстро, молодые люди — за нею. Они усадили ее въ сани, оправили коверъ, подали коробки конфетъ. Это дѣлалось такъ же невнимательно ко всему окружающему, какъ прежде, даже еще шумѣе. — Посмотримъ, посмотримъ, какъ вы поспѣете, по- лобуетесь! — кричала дама одному изъ нихъ. — Ахъ, какъ всѣ мужчины глупы! Вѣдь уже поютъ вамъ, а вы все свое!

— Вотъ сегодня, еще послушаю.

— Въ послѣдній разъ?

— Не зарекаюсь!

— Какое! Вотъ привязались! — хохоча, обратилась дама къ другому. — Ахъ, какъ бы я желала, чтобы она была хорошенько, хорошенько надула!

Лопали не стояли на мѣстѣ.

— Вотъ бы какой вамъ носъ! Ну, что же, придется ко мѣ въ локу слушать, какъ мужчины глупы!

— Не приду!

— Это почему? вѣдь моего мужа не будетъ. Ну, въ антрактъ?

— А въ антрактъ пойду, куда интереснѣе.

— Ахъ! это за кулисы?

— Нѣтъ, подальше.

— Пошли еще разъ дернуть. — Это въ уборную? Смотрѣть, какъ ее шнуруютъ? Ну, поспойте же! Ну, и не надо вѣсь, и не приглашай! Приходите вы! — крикнула дама другому, между тѣмъ какъ оная уже неслась.

— Рипневъ еще смотрѣла вѣдѣть.

— Неудивна! — сказала франтъ, кивая на нее и толкая ее впередъ.

— Ну... съговорю. Чего тамъ!

— Ну! Они прошли.

— Видѣла, она меня или не видѣла? Не узнала или не хотѣла узнать? Или я такъ переженилась? — вѣрнѣе въ толпѣ молодой женщины. — Но точно же это! — Даша Васильевна! Она! Еще раскормила. Видно, счастливо живешь. Валушка!

— Она забылась, развѣченая, вълюбленная. Ей хотѣлось плакать, хотѣлось укорить, бранить... за что? за жѣмъ? Все равно! Муженіе было минутное, но въ немъ пережилась вся жизнь и какъ-то странно, затерялось ощущение настоящего, будто не было никакой своей жизни. Мелькнуло какое-то злое любопытство, какое-то жадное прикосновеніе, скандаль.

— Сама не знала, зачѣмъ. — Рипневъ вошла въ концертную залу и оставалась.

— Что вамъ угодно? — спросилъ, оглянувшись, хозяинъ, отойдя и смрачный.

По выговору — это была иностранка. Рипневой показалось, будто она его знала.

— Даме, которая сейчасъ здѣсь была, — мадамъ Васильева? — спросила она по-французски.

— Не знаю, — отвѣтилъ онъ по-французски тоже и, продолжая наблюдать за нею, повторилъ: — что вамъ угодно?

— То есть бышшая мадамъ Васильева? — повторилъ Рипневъ, отводя взоръ отъ той пирожковой и жести, что было на прилавкѣ.

— Не знаю, что вамъ угодно? — Мнѣ?.. Мнѣ нужно узнать, который часъ. Мои часы стали.

— У васъ не было часовъ.

— Почти два.

— И еще... это — афиша сегодняшнего спектакля.

— Да. Вамъ нужны билеты?

— Нѣтъ, у меня уже есть... Я прѣѣхала. Я когда-то давно жила здѣсь... Не помните ли вы меня, мадамъ Эррера?

— Извините, нѣтъ. Вамъ ничего не угодно?

— Морозъ, нѣтъ! — Рипневъ сконфуженно повернулась къ двери. — Ахъ, я забыла. Скажите, гдѣ живетъ нота-рiусъ Ешпекіръ?

— Не знаю, — повторилъ онъ.

Она вышла на улицу, почему-то сбѣжавъ. Тяжелая стѣнная дверь прихлопнула ей плече; она потянула его со злостью, еще съ большей злостью вспоминала, что молчать изорвала его, и стала осматривать осторожно. Кондитеръ изъ-за прилавка събилъ за нею безпокойными глазами. Ей хотѣлось побить его.

— Ну, да, конечно, онъ. Что тогда пропали отъ Сироты? Дать ему денегъ, здѣсь на обозвѣдѣніе... О, чертъ ихъ, всѣхъ возьми! Подносите мнѣ букеты, бондольерки!

— Приняжете довести? — спросилъ извозчикъ. Рипневъ умирала отъ усталости. Все равно, другиненный — не капиталь. Но зачѣмъ ѣхать? О чемъ спрашивать? Ей хотѣлось въ теплый домъ, на мягкой диванъ, выпить кофе, позавтракать, заснуть.

— Дура! — сказала она себѣ мысленно: — и дома нѣтъ, и чѣмъ нечего...

— Овези къ нотариусу Ешпекіру, — прибавила она вслухъ, садясь въ сани: — знаешь, гдѣ?

— Знаю.

Она была рада сѣсть, тутъ почувствовать, что ея противъ вѣтра; не до того, чтобы смѣрять по сторонамъ, а потому можно немного собраться съ мыслями, насколько позволяетъ холодъ.

— Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ Ешпекіръ чтонибудь скажетъ, — она не оперѣждала, что — Домъ Должны Возвратить, и деньги, — все что было. Для этого, можетъ быть,

пожалеть, поцеловать чужую руку, поцеловать перчатки и еще удивлять в объятиях своих. — Столько дѣлать, что приходить внаблудъ. Милости просимъ! Вотъ охота, въѣздъ покойнѣе. Вы любите маленькихъ, теплые уютчики, не правда ли?

— Прошу покорно, — выторопила хозяйка, такъ же мило и съ чувствомъ достоинства указывая рукою.

Ридневъ вступила во вторую гостиную, съ каменномъ ковранъ, жардиньерками, часы съ золотыми Петровъ Великимъ, подиравали плавать "Траписта". Хозяйка молча жестикулировала гостя диванъ, гостя молча отъкачалась и сѣла въ кресло. Въ было свѣтло, досадно, какъ-то неуютно и опять свѣтло, когда она встала, давая на гостю Епещику, которая хмурилась все больше по мѣрѣ того, какъ оживлялись ея черты.

— Прежде всего позвольте вамъ спросить... — заговорилъ онъ. — Но право не знаешь, съ чего начать! Позвольте спросить васъ, какъ это, — кажется, столько дѣлать прощало — а вы все такъ же прекрасны! Ни время, ни что... Какъ это, одинъ словомъ, вы устроились? Въдѣсь бы... какъ, помните, у Григорьева, — вы могли мнѣ отвѣчать... Помните, охоту въ глазахъ, похорошѣли страхъ, — но вы. Какъ давно вы овдовѣли?

— Два года, — отвѣтила Ридневъ.

— Неужели? — сказала хозяйка. — Такъ вы съ супругомъ скончались?

— Въдѣсь ты знала, — замѣтила Епещикъ вскользя, но вѣдь ты знала, и опять обратилась къ гостю. — Я вѣщаю вѣщаю, и опять вспоминаю міросозерцаніе древнихъ: въ этихъ случаяхъ вспоминаю міросозерцаніе древнихъ. Опиши въ проѣздъ мирно спи. Знаете, это примарюшее, такъ сказать, прозрачное міросозерцаніе, сказавшее, которое жизнь представляется на извѣстномъ разстояніи, — онъ пропалъ, руки впередъ, объясняя наглядно, — что отъуда, изъ этого прекраснаго дѣла, а лучше ужалъ равно все въ подробности, я уясню себѣ, что могло бы — при извѣстныхъ данныхъ, при неизбѣжныхъ столкновѣніяхъ — что могло бы нарушить гармонію моего бытія? Разсмотрю — и успокаиваюсь. Это — не утѣшеніе обидной пошлостью... Позвольте... Извините. Это — не желаніе утѣшенія, не ханжество какое нибудь, это — трезвый взглядъ! Вы какъ объ этомъ разсуждаете, Николай Дмитриевичъ?

Онъ обратился къ господину, находившемуся въ гостиной. Этотъ гость не всталъ при входѣ Ридневой и остался подлѣжа въ широкомъ креслѣ, закрытый жардиньеркой, по дѣлу, который выгляделъ изъ-за зелени, по запаху кофе, по звуку ложки о чашку, — было ясно, чѣмъ онъ занимался. Онъ поднялся на слова Епещику и не безъ затрудненія вылезъ изъ своей засады. Онъ казался очень молодой, огромный ростъ, бычачья густота волосъ, свѣтло-голубые глаза, яркій румянецъ, аллы губы порождали здоровье. Это былъ богатый, какіе охоты начинаются появляться. Дескать дѣлать назадъ они, какъ разлосъ, перевелись совсѣмъ. Теперь опять можно върѣзать конюшней прѣдупиныхъ, сѣтлахъ, урѣлахъ, просто рѣшались вопросы жизни, или — еще проще — не признаю своихъ существованій никакихъ вопросовъ. Это — богатство, соками отпрыски старата дѣла, казавшее бы, срубленнаго подъ корень. Правда, ихъ листья какъ будто немного пережѣвляла форму; но говорить: что это случилось и съ настоящими деревьями, между тѣмъ какъ стѣ. Новые богатства, какъ ихъ предки, упражнялись въ конскихъ дистанціяхъ, вселить свои сердца за чадами, гнуть кочерги, боятся грамоты и бытъ посуду, потому что не позволено бить лакеевъ.

— Не правда ли... — продолжать оживленно Епещикъ, — Епещикъ Васильевна, позвольте вамъ познаться: Николай Дмитриевичъ Мѣневъ. Самое безобидное, самое блаженное міросозерцаніе! Фаталистъ, эпикуреецъ...

Мѣневъ, раскланялся и сѣлся. Несмотря на свою громадность, онъ былъ красивъ и ловокъ, но покланялся очень странно.

Епещикъ былъ слишкомъ занятъ тѣмъ, что говорить, рождала Епещикъ, слишкомъ погружена въ себя, и она замѣтила, что молодой человекъ посмотрѣлъ какъ-то особенно, а молодая женщина покраснѣла и пошлась. Это сдѣлалось въ одну секунду.

— И еще, знаете, я нахожу, — продолжать Епещикъ, — обращаясь къ Ридневой, — что вотъ такое короткое счастье, какъ было ваше... Но вѣдь это — старая истина! Прекрасное должно погнать въ пышномъ прѣдѣ! На что ему медленное, постепенное угнетаніе, помилуйте! Нѣтъ,

выруть, разок опустить занавесь на освещенную сцену
Триль еще огни, все...

А вы позволите спичку, — прервать Мвингье. — Ах, да, бегошика, с какой вы прозой! Вдвое с вами! — И он протянул отсклевывающую спичечницу.

[illegible]

ка? Долго быть болель? — продолжала еще суровей.
голоса. Внезапно доверчиво и радостно сказала: —

10. Да, служба окончилась в 1958 году, в связи с тем, что я ушел на пенсию. В 1958 году я ушел на пенсию.

— Что он? преподаватель? какой предмет?

— Это очень пусто! Вы там и останься, въ В? —
Нѣтъ, я скорѣе уѣхала, — отвѣтила Риднева и см-
ѣлась. Мнѣлась опять спотыкаться на нее.

— Ну да вы уехали?
— Да. Я несколько разъ переезжала... перемьняла места...

— Но, будь иначе и быть не могло, — вслушались во
вращався Ешечкин и, вдумь гудю сложившись, з
сбавился легким, отразившись смывать. — Ну, знает
это понятно, это так и следовало, это естественно, з

ЭТО ПОДЛИНО, ОНО ТАКОЕ ЧУВСТВО ПОД
ЗАКОННО! КОГДА ОДИНЪ РАЗЪ ЧЕЛОВѢКЪ ЧУВСТВУЕТЪ ПОД
СВОЕЙ НЕПОСЛАТКОЮ ПОЧВУ, ОНЪ СТРЕМИТСЯ СЕЙЧАСЪ ПЕРВ
ПОДНУНУТЬ, ОНЪ ИЩЕТЪ... Я НЕ ПРИЗНАЮ ЗАСТАЮ. МОЛОДОС

даже обаяние... — выразительно и серьезно прервал его супруга и вклинула на него сь сострадающим.

— Милень! громко засмеялся, закутывая и опять скрыл

за жардиньеру, выставить только свои толстые ноги. Но Риднева вытара, что сказок зеленъ онъ продолжаетъ съмывать на нее и умолялся... Ея хотѣлось сп...

— Вы теперь откудa? — спросила госпожа Епшенца, желая овладеть разговором и обратить его на что нибудь более положительное.

— Изъ А. Я. по дѣлу, — отвѣтила Риднева, все больше смущаясь.

Остановка, любезности хозяйина, все, что бывает, развлекующегося при вступлении с чужими, незаметными людьми, обилие в нем всего, ненужного понятия о себе, упорный, утомительный на нее взгляд, заставить ее еще больше терпится.

— по делу? — вскричал Епелюин, — как, вы, вы по делу? Чего вы могли хотеть в жизни чтонибудь подобное делать, этой мертвящей?.. Я не могу иначе вообразить вас, как среди буйств, вёнок, поклонений.

— «Наследство», — отозвался Радиева, невольно улыбаясь. — В чем дело?

— А. Наследство... Это очень хорошо, — пронесла. Господа Ешевская ссылающимся выдохнуть. — Не, казало, что-то оторвался, и она, привадила, будто ожидая одобрения: — большое?

Риднеюй хотьнов, хототать.

— Не знаю сама, — ответила она, — может быть, сотни тысяч! —

— Посты вашего батюшки? Но я слышала... еще при жизни онъ потерялъ... потерю состоянія... Сколько я слышала...

— Вы даже и наверно знаете это, — прервала со злостью Риднева. — Мы выехали отсюда ни съ тивать. Вы тогда сами провозжали нас! — резко и раздражительно оборвать она кь Епещиному.

— Да... Но...
— Распорение было на весь свет. После отъезда не могло остаться, оно расплывалось во всем, что шло. Так ли? — Ой! так же резко спросила она. Испугано.

— Безъ сомнѣнiя это было сдѣлано... роскошно... роскошно! — подхватываетъ онъ. — Это было... — Онъ отвернулся въ сторону Минаева. — Честность — до фанатизма!.. знаете, въ той точкѣ, гдѣ она пересходитъ уже въ вѣдливость!.. Залтъ батюшка былъ мечтатель... Много можно было бы... понимаете, совершенно оставить въ сторонѣ, многиа обя-

застельства... просто промолчать, предать забвению, как это случилось и редкость дьявольства... — Онъ засмыкался своимъ короткимъ, сухимъ свѣтомъ. — И никто не замѣтилъ бы претивъ, потому что люди, съ которыми ваша багшница великодушничала... Просто вѣруй жалъ, какъ это дьявольство...

— И не знаю, какъ и что дѣлать, — прервала Ридневу, — но если мой отецъ находится, что такъ должно... — Да вы не можете находить иначе — вскрывать Епещкию любовь, покровительственно и слуга насъ... — Женщины вѣчно сотканы изъ мечтаний, и, чуть что реальное, онъ готовъ...

— Не какое же насильство вы получаете? — прервала Епещка.

— Постъ легки мужа, Анны Ивановны Ридневу.

— А!.. Но это, я полагаю, далеко не сотни тысячъ, — сказала, улынувшись хозяйка.

— Вѣроятно... Но мое пожеланіе... — Ридневу вспомнилась какъ-то вся разомъ, — и надо разсказывать, надо просить... у молодой женщины поспули слезы. Она сошла дѣла въ нѣмъ красота и встала, чтобы отойти изъ-подъ взгляда, который прельщала ее.

— Васъ солнце беспокоитъ? — замѣтила хозяйка.

— Да... Влатору васъ, — сказала Ридневу, между тѣмъ какъ Епещкай поднималъ ей другое кресло. — Я именно хотѣла спросить васъ. Вы знали мою тѣтку.

— Да... она какъ-то зѣвась была, — отвѣтила нервно-тешно госпожа Епещкай.

— Почтенная женщина! — серьезно замѣтила Епещкай, — знаете, энергичная женщина.

— Я нахожу, что вы чрезвычайно похожи лицомъ съ вашей тѣтушкой, — прибавила госпожа Епещкай.

— Это — тѣтка моего мужа, — возразила Ридневу.

— Все-таки есть много родственнаго.

— Помилуй! — вскричала хозяйка. — Какъ же это возможно? Черта...

Ридневу пошла прервать его, пока чувствовала себя въ силѣ говорить.

— Дѣтство она писала, звала меня прѣхать и хо-

тѣла передать мнѣ все, что имѣла. Я... не могла прѣхать до сихъ поръ. Она этимъ временемъ умерла...

— Развѣ скончалась ваша тѣтушка? — спросила госпожа Епещкай.

— Но вѣдь ты давно знаешь! — нетерпѣливо остановилъ ее мужъ. — Ну-съ, и вы прѣехали...

— Прѣехала, и ничего не наша, — договорила Ридневу. — Домъ, говорить, кому-то продать, и все... Мнѣ сказали, что нужно обратиться къ вамъ.

— Почему ко мнѣ?

— Но покупка, продажи...

— Да-а! То-есть, домъ проданъ. Продажа была совершена законно. Купить Варашовъ, купецъ здѣшній.

— Конечно?

— Конечно законно. Я, знаете, умилюсь предъ этимъ исполнѣнъ женственнымъ, совершенствомъ невѣдѣній Милышадъ Елизавета Васильевна, въ, ей-Богу, роскошество мени! Я будто еще вижу васъ дѣвочкой.

— Стало быть, тѣка, получила деньги?

— Много?

— Нѣтъ. Сколько помню, она продала за безцѣнокъ...

— Но гдѣ же онъ?

— А, вотъ видите, она даже вѣдать ли и получила ихъ въ руки. Этотъ Варашовъ — продуманной господиной. Она рѣшила, отдать домъ на церковь, на свой приходъ, а онъ принять на себя внести. Ей было все равно, за что, ни продать: «всѣмъ даше», много ли, мало... Словомъ не знаю, сама ли она жертвовала, или черезъ Варашова, но домъ у Покрова въ кружкѣ...

— И денегъ нѣтъ?

— Нѣтъ, положительно.

— Но у нея были еще, кроме этихъ...

— Этого я совершенно не знаю.

— Но вещи были, мебель...

— Это, позволите, надо вамъ объяснить. Ваша тѣтушка... Вы мнѣ позволите нѣсколько опрѣлѣнить? — психическое состояніе? Какъ бы это сказать вамъ понятнѣе? Умственный-то капиталъ былъ уже, знаете, значительно пропущенъ, не было той дѣльности... — Епещкай сдѣлала ма-ленькій жестъ рукою и замѣтила: — Ну, старушка! — До-скажетъ онъ, снисходительно. — И дуть еще была, нѣкая

Гинерия, родъ прочины. Она и, сь другой стороны, Бардолова, необыкновенная, и вамъ скажутъ, вытученность женщины — вкрывать онъ, захотеть сь наслаждаваться. Видно было, какъ они тутъ работали. Любопытно и вытуть назидательно... такъ, что даже право приятно такъ понаблюдать.

— Должно быть, въ самомъ дѣлѣ — локіе люди, — прервала Риднера. — Они скоро сдѣлали свое дѣло. Теперь въ августъ писала мнѣ, а въ сентябрь уже все было пропало.

— Въ октябрь, — поправилъ Епещикъ. — Но она уверяла въ октябрь.

— Это и покончено такъ, не дѣли за дѣв кантъ нболу. До ея смерти. Формальностей вѣдь немало. Она вѣдь уже творила.

— И такъ, если успѣла прогнать, раздавать, могла бы убитъ и еще предупредить меня успѣла бы сдѣлать, свидѣніе.

— Конечно, — сказалъ Епещикъ. — Видно, не пожелала, — завила его супругу.

— А то было на это...

— Риднера замолчала, потерпѣвая.

— Нѣтъ дѣйствія безъ причины, — сказала значительно и вѣжливо госпожа Епещикъ.

— Вы знаете причину? — спросилъ Риднеръ.

— Я полагаю, вы и сами чувствуете и догадываетесь. Что такое? — спросилъ Риднеръ.

— Для вашей почтенной тетушки было конечно прискорбно...

— Видно, — вскричала Епещикъ, — какъ тебѣ приходится въ голову.

— Нѣтъ, я прошу сказать, — рѣшительно возразила Риднера и встала: — для меня очень важно. Я хочу знать, чѣмъ я могла провиниться...

— О, Боже мой, — вскричала Епещикъ, — старые предразсудки, ну, просто, старая глупость, капризъ бабы, котораго изъ ума выжила... Извините... Впрочемъ даже не прошу извиненій, говорить, такъ прямо: вы поступили на сцену, Елизавета Васильевна?

— Молодая женщина побѣдила. — Какъ это могла узнать?

— То есть какъ могла узнать ваша тетушка? Мы-то все узнали черезъ неосторожнаго корреспондента нашей энциклопедіи. Онъ выдалъ вамъ, какъ слѣдовало — восхищеніе и написалъ. Простите вашему поклоннику, все это очень натурально... Вы играете подлѣ имеемъ Любимой. Но газетой подкупились тетушкѣ. Представьте же себѣ вашу тетушку, которая никогда ничего не читала, — сь Гинерией своей, за театральнымъ фельетономъ. Вѣдь это — глуповатая драма! — обратилъ онъ къ Мнѣневу и засмѣялся. — Да перестаньте конфузиться, драматическая Елизавета Васильевна. Эти вещи, будьте увѣрены, зѣвъ, — онъ обмахнулъ кругомъ рукою, — понимаются иначе! Я такъ высоко цѣню войское свободное произведение челоукаской личности... А тѣ же лучше, какъ не въ борьбѣ съ предрассудками, съ остатками варварства времени? Полагите, вѣдь это — черта къ вашей биографіи? Лична ли личность за то, что воплотила намъ Джульетту, Офелию... Въ восторгъ онъ бросился, прижать ее руку.

— Риднера оторопѣла и улыбалась. Ей было приятно, вѣдь, вѣдь, что-то — она чувствовала — забывалось, и ей было жаль этого забвѣнаго, что-то сжималось, и какъ-то было раскаяніе, опять разомъ, раздражительно нахлынуло ощущение настоящего, бѣдности, голода, отъ котораго задохнули губы, — и опять стало какъ-то свѣжее, весело, что этотъ раздвоенный, покоренный баринъ злитъ свою супругу. Молодость... Это слово отъ меня тѣло предъ ее глазами, было въ ее ушахъ... Неужели она отпугнулась и увидѣла себя всю въ длинной швейцаль: она была очень хороша въ эту минуту.

Епещикъ поймала этотъ взглядъ и опять принялась прижимать ее руку, уже не восторженно, какъ хулижничать, а какъ подгулявшаго друга, крѣпко удерживая ее, ободриительно и неперемѣнно по ней похлопывая.

— Такъ-то лучше, престегивайся Елизавета Васильевна! — вскричала она: — сь этого бы вамъ и начать, а не отъ какого нибудь допотопнаго наслѣдства! На что оно вамъ? у васъ талантъ — золотая роса, прелесть которой все мы — ничто! Вамъ нужны дворцы...

— Не откажусь, — сказала она, — но пока...

— Полно! Ничего вамъ не надо! Это — женщина за-в. крестовскій, «полн. совр. соч.», т. III.

маленький, типичней аккуратности, это вы себя сказали, что надо исполнить желание тетки, и составили себе эту эту, нечто вроде долга. Выдь так? Помните я вас? Ой, должно и это малое, женственное упорство, ни ва, что не, сдается! Ну-с, а предъ, невозможностью вы, отсу, наете? Предъ, очевидности?

— Я, хочу что-нибудь, определеннаго. — Опредѣленнаго? Извольте, коротко и ясно: о дурце у, Покрова, нечего вам и думать. Покровны вы? Утодно сдѣлаться, когда, какого числа и за какою номером сдѣлаться, акть? Если вы удостоите зайти, поспѣть мою контору...

— Нѣтъ, — прервала Риднева, — я уйдю, — Но куда, откуда, прѣхала, — отвѣтила она, нехоту, — Вы тамъ играете нынѣшній сезонъ?

— Да. — Я слышалъ о вѣществѣ антрепренеръ. Выдь это, со, роумъ, особенный миръ — театр. Въ золотые годы бы, вало, упоенелъ дѣятельностью становился понынѣ, сего, приему, сцену.

— Ты и теперь — такой же театраль, — прозвѣстала, ро, жма, Епещкая.

— Ахъ, Боже мой, это мнѣ просто тяжело слышать! — возликунулъ Епещкій съ какой-то горестью. — „Театраль“ — это бранное слово! Да что же мнѣ думать, магушка, если въ, вѣществѣ, покорѣны, женщины не было искорки свѣде, нато огня? Дай вамъ ховяство, дай вамъ трупки... Но, вотъ новое поколѣніе, поддерживать мѣны! Николай, Дмит, рьевичъ...

— Что прикажете? — оговаривался Мѣневъ. — Пройдите на помощь! Объясните, что вы чувствуете, и крѣпа предъ вами волнуетъ еще ошущенный занавѣсъ, и тамъ — загадочное, и гуль въ, оруствѣ, еще все нестроено, невинно, и вы ждете, ждете съ замѣраніемъ сердца...

— Мѣневъ, громко, зароро, замѣрившись, — Я не знаю, — сказалъ онъ. — Но что вы чувствуете?

— Я люблю театр... Что жел... Епещкій махнулъ рукою. — Ахъ, господи! — сказалъ онъ, съ упрекомъ, и се...

резано обратился къ Ридневой: — а, знаете, собственно о, рать это было всегда мое мѣніе: вы созданы для сцены, у васъ воспитаніе прекраснаго закала, выдержка. Это оо, бенно важно для артистки. Нужна презентабельность. Вы, все — такъ получили сколько нибудь понятія о порядоч, номъ обществѣ. Ваше образование хотя поверхностное, но, все же не то, что мы находимъ у провинціальныхъ ак, трисъ. Наконецъ вы могли дополнить его путѣмъ чѣмъ ни, будь руково,ловить... Я всегда это думаю о васъ. У, меня такой великій: если я скажу себя что нибудь, со, ставлю себя убѣжденіе — такъ и выйдутъ! Какія со, ставно роли вы занимаете? Главныя, это несомнѣно, но въ какомъ родѣ? Что вамъ, такъ сказать, по душе? о, держкахъ. — Не знаю, — отвѣтила она, едва слушая. — Я въ...

— Поете у васъ и голоса есть? — Я всегда пѣла.

— Да! Но, особенно говоря, у васъ не было голоса, то есть замѣчательнаго голоса, — продолжалъ Епещкій съ, озабоченнымъ видомъ запятокъ. — Но конечно для легкой музыки... Такъ Оффенбахъ? А, Николай Дмитриевичъ? Къ, этому и вы неравнодушны? „Даръ небесъ, даръ боговъ, Онь почти забыть.“

— Мѣневъ свѣдѣлъ: Риднева встала. — Куда же вы, Елизавета Васильевна? Только что, наша бѣда приняла наслопцѣй характеръ.

— Мнѣ пора, — отвѣтила она, кланяясь хозяйкѣ, ко, торая покланялась подать ей руку. — Почему же это „пора“? Почему бы не попросу...

— Ты забываешь, что сегодня ты обѣдаешь въ клу, бѣ, — возмущался голосъ Епещкаго: — обѣдь, официаль, ный, ты подписался, заплатилъ...

Епещкій не слушая уходилъ за гостей. — Позвольте, Елизавета Васильевна... Неужели По, звольте! И мы съ вами больше не увидимся?

Риднева остановилась въ залѣ. У нея кружилась го, лова отъ усталости, говоря, отъ правдиваго и фин, чекатаго источника. Она старалась припомнить: кажется,, еще что-то надо сказать, что-то сказать? Да точно: за, тра надо уѣхать: стало быть, надо...

— Мнѣ бы хотѣлось еще видѣть васъ и сказать вамъ...

[illegible]

Все прошло, все Бог знает — что, и видеть последние девять... Она сказала, подумала, что писать не умиш, — хотя умиш была совсем пуста, — подумала, что, если сейчас люди будут обидать в киб...

— Елизавета Васильевна! — окликнули ее.

Риднез, невольно испуганно обернулся: Мельничкин стоял шагом, встал по средине улицы, кучеру, конечно, принадлежалъ къ этимъ профессіямъ, но онъ держался на барина.

«Ах, Елизавета Васильевна, да постройте же!»
 «Ах, что вам нужно?»
 «Миленька, заведите обь ен руки, смотреть ей въ
 лицо и хотяталь.

«Проклязница! Хоть бы видъ подала, что меня зна-
еть!»

Илья. Я вась не знаю.

— Я вась знать не хочу.

— Я вать это сто разъ говорила! Пустячен

— Пустыни

— Вѣдь я всѣхъ не въ шутку люблю, душенька
люблю! Пустите!

— Я какъ говорить—у меня патнацать тысячъ годовъ, наболытъ никого и... заживевъ. И, что потомъ ни было бы,—ну, что бы ни было... не вѣкъ вѣдѣтъ въ конатѣ!... я, какъ честный человекъ, васъ не обману. Но нечто если только вы сами меня не наутете? въ такомъ

случай, благодарю покорно, это ужь подлость будет... Вѣдь можно жсть, ей Богу, съйма слоужу тыльй толь. Ну, будеть модничать! Ну, не вырываешься! Вѣдь слово руку, вошь и вся потыха... Елизавета Васильевна... А?

Я клика
нѣя отъ боли.

— Это чужаки, глаза страшные! Кабы только моя воля...

— Вы сказать,
— А то что же?

— Если честный... пустите меня!
— Конечно?.. Господи, да она пла-

ШЕБЫКОВ... КОЛЛЕКЦИОНЕР ИСТОРИЧЕСКОГО СТИЛЯ

Она отговорила: «Мнѣнье» сказать бы ео, но не
свернуть «у» ствяхъ сумеркахъ, показались нѣсколько
прихожихъ. Мнѣнье поровалъ свои сани и уѣхалъ.
Въ этотъ моментъ въ комнату вошелъ
Викторъ, на императоръ далегого былого окна,
Радеевъ, поднимаясь на свою стѣнницу. Гдѣ-то гудѣть
свернуть, хлопнуть двери, шумали шпатель, слышалась
бормотъ, перебиваемый хохотомъ, звонъ посуды, звонки, об-
рѣзъ. Луская темнова повисла сверху, обступала ку-
полъ, полная дыма и чада, тѣснила трудъ, уязвляла тѣло.
Радеева шла слотыкалась, что-то подкатывало ей подъ
ноги и заплещало. Она вскрикнула. На ея крикъ распах-
нулись окошки дверей, блистать свѣтъ и въскозили дре-
во Ковалѣвъ.

— Четверть! — кричал один из них. — Говорили тебе, зайти раньше! Кто тут! Ах, это вы, сударыня. Четю изволили испугаться?

— Дайте мой ключ! — Вся дрожая, она бросилась
к своему коммуну. — Что это у вас, там...

— ГДЕ-СЬ?
— ЧТО ЭТО... БЫРАТЬ?

— Ах, это вы, вот что-с. Ничего, не извольте беспокоиться. Это, должно быть, — мыши-с. Их у нас много. Никого! Ничья — сь кошку. Иногда то жею гододя, приваже обижаются... Очень извольте устать, сударыня!

— И, конечно же, у вас, сударыня, обедать можно получать только по чек-буку, а не по телефону. И, конечно же, у вас, сударыня, обедать можно получать только по чек-буку, а не по телефону. И, конечно же, у вас, сударыня, обедать можно получать только по чек-буку, а не по телефону.

[illegible]

Ирина наклонилась дорожнику сиюю фланелевую блузу и
дети, конечно, мешком встали в ряд. Сегодня года

уже, тревожилось рась себе витьла, Всплунуться въ вер-
кадо было у неа привачнымъ, непривозвнымъ, павжа-
неть. Кто-то однажды ей завабиль въ оу, оу, Кто? Не ве-
залось, что она сходить съ ума.

— Боже, что такое въ головахъ? Что-жъ это будетъ?!

— Она, дедуа и закрыла глаза; сердце ствало, тушно
паста. О

А. интересные часы у Епепихих. Вотъ, дурная привычка, хороша барыня; приятно иметь такую синуру! Задаетъ тона, сама коровъ доила... Доила или нѣтъ, это спросить бы у теушки Анны Ивановны; та, все знаетъ. Ну, теушка, Вотъ-се, судыки...
Вотъ-се, судыки...

— Да вы, какое же это и тешушка, противьядься, тоже во имя Божие... Видите, гравь какой, — уныженіе, рощу на шем! Да, когда куска хлеба нѣтъ, поневоѣ, пойдешь его выплываться. Что-жъ, она, святая, съвѣтъ ставидея, молебны пѣла, а не хватились разлше поможя, къ себѣ позвать, когда Ирина умеръ, когда я осталась съ двѣ-воичкой, когда я просила? И строки не писала два года, не отъѣзжала, а тутъ влудить „чувствую приближеніе кончины“...

Но ведь вздор — все это, и думать больше нечего... Что-то не дают обидаться? Повесть да заснуть... Лишь бы и обиды не было тоже, "въ сновидѣніи". Она захохотала и зарыдала.

«Скверно, прожигатель...! Любодни Боже! Право еще зане можеш. Вот бытеть хорошо! И тут прожигать нечуйт, и тама пладе неустойко... Но неужели олатъ, ту рудитъ, больше некуда! Муреще спросить — и тотъ, ничево не, выдумаетъ. Нѣтъ, выходелъ Человекъ, нѣтъ, къ кому обратисъ. Во всемъ мирѣ нѣтъ дурного приближиза, скажъ тотъ олатъ. Ну, и толикъ, — больше дѣлать нечево. Цюда, да въруху — вотъ сказать Епекому, пусть продасть, — Цюда, заветъ скорбе бѣхатъ. Въ два дна постыгъ, Чтунеть, людое живуть такъ. Говорить — веселое житье, служазіе, неуслову! Попробовали бы, каково!

«А сколько съездили мы на охоты! Вот хоть и старые ехидны, Епифансы, Чепе ещ еще: въ бантахъ, бархатные кофры. Кажется, пралины сосади; что-то было во рту. Какъ же: подать мѣхъ непривычно! говорятъ со мной унизительно! И вся-то моя история, вотъ эта грязь, вотъ хоть нынѣшній день, — раскисчала, а бы ба-

[illegible]

милую человека, его поперения, утешения, снисходительность только поддерживали это дѣтство мысли, эту жаркую, сродовольную живенность. Она принялась отдыхать, съезжаясь, съезжаясь. Она не ушла ни работать, ни обсерватор, ни заболѣть. На нѣрды она не трети-дверь: она помнит, что она дорого стоять и что трудно разорить Грину, а главное—она знала, что въ веселье она безъ нѣрды еще красивѣе. Но зато въ минуты востановления, медленнаго путешествия, медлени, предвѣ-дѣла, медленнаго роскошь въ убранствѣ дома, прихоть въ обидѣ, въ хотѣньи, "купить", какъ она кричала, об-ликая своего Грину съ радостными слезами. Привѣде-валъ, ласкованъ со всѣми, она любила дѣлать, не раво-дѣла, нравственна, не только для подарка тѣмъ, комъ она дарила. Иногда, вдругъ вспомнить свою обидность съ от-помъ, тогда проседала помогать другимъ, не отлучившись, чего-то стоять, то же нужно и даже точно же нужна, помогать, она только съ умиленьемъ, съ восторгомъ твер-дила, что помогать, не она, а все ея милый, золотой Грину. Во обманчивости, она клала обманчивость, но не дѣлалась ослѣпительнѣе. Она только считала себя ви-новатой предъ мужемъ и еще собиралась помогать ему, собиралась заботливѣе, собиралась учиться, заводила, пѣлила и прочее, накупала учебниковъ, но все было не-года. Когда родилась дочка, — ужъ и вовсе было неко-гда, хотя Лиза не кормила сама, хотя посты нормальна была, взяла нянька, хотя всѣ нѣрды дѣвочки шились въ материнахъ.

Она любила ее. Быть ли онъ счастливъ? Завтрашній день, возвращаясь домой, онъ находилъ праз-
дникъ, пѣвнн, подблуге или горькія слезы, жалобы, что
нѣтъ того, нѣтъ другаго, что онъ — труженникъ, а она —
группа, расканинѣ и опять поблуга. Живнть сердцу вы-
ходить кака-то оуранная отъ этихъ безпрестанныхъ пе-
ремѣнъ. Молодая женщина была востычива, своеобразна
и покорна, ей нелзя было выговаривать ни въ чемъ, по-
тому что она приходила въ искреннее отчаяніе и стра-
дала. Она была вся желаніе принести себя въ жертву,
при полнѣйшей нежнлвости на самую простую услугу, и

[illegible]

— Рядиновъ былъ простой, добрый, прилежный студентъ, много жегъ табаку — тихая, занятая жизнь, любовь жень, поддержива въ ея добротѣ словъ, съестъ въ ея удовольствіи въ окликиющаго обмѣнѣ мысли и убоженій, отъ котораго въ подобная женщина дѣлается товарищемъ и становится еще милѣе и дороже. Въ немногіе дни любви женщина узнавала больше, чѣмъ въ дѣлѣ годы, какъ-то новаго сторона жизни, дѣятельная, полная мысли, даруя отъ куда-то выликиваться и высказаться; понимаетъ, что женщины раскрываютъ въ себѣ съ ея сердцемъ. Дѣла прѣвѣтка раскрываются разомъ на одномъ столѣтѣ. Рядиновъ это мечталось съ перваго раза, какъ онъ увидѣлъ лису. Этого ждалъ онъ, когда она стала его ждать, ждалъ день за днемъ.

— Онь стала хворать. Она не замѣчала, въиднѣ—ей не въиднѣлось, еще въиднѣ: она не могла понять, чтобы это могло быть въ самомъ дѣлѣ. Когда она наконецъ поняла, что ей отчаянно было бурно, безумно, мучительно и без-защитно. Пошла умеръ въ отчаяніи за нее.

[illegible]

опора. Тогда выпутать交涉ов кь дочери выросла у нас въ обязанность. Все для нас, вся жизнь для нас! Предке обиванность. Чтоб она не знала обидности... ужасы чтобы не было это предостое тельце, не требовало это ливичко, не пылали эти глаза о пустых, въ которыхъ нѣтъ отъда, дурить дѣлать. Странное дѣло — детский слезы

Вн уже три года; ее выдать на улицу, чтобы не смѣла
бесобразный, безсовестный, богатый дѣти, не смѣла пре-
зирать ее за то, что она бѣдно одѣта! Она лучше всякъ,
у нея все должно быть лучше, нежели у ея!ъ.

но во всяком случае не могла учить и не умела работать. Она жила, занималась, продавала понемногу, что нибудь, в ожидании... чего-то, — что определить не могла. Она писала тетку; ответа не было. Заняться вещей было очень невезенье; это достало только на два месяца. Подступала осень. Шубы мужа уже не было давно, охота она заложилась. Оставалось всего одно шелковое пальто, но надо же было иметь чтонибудь порядочное. Руднев отпустила горничную, наняла жаловалась, что ей слишком много денег, и грозилась уйти.

Въ августъ въ В. прѣехали труппа актеровъ „на короткое время, на нѣсколькое представленіе“, какъ оъщали афиши, бывші на столбахъ. Риднева не разъ оъщ называлась прѣдъ ними. Ей было тѣмъ, тяжело... и ей было скучно. Знакомыхъ было мало, и тѣ въ послѣднее время прѣходили все рѣже. Она очень любила театръ. Мужъ не любилъ его, считалъ какъ-то серьезно и stupidно не то стѣснительно. Ей, уступать ей, и она бывала въ театръ постоянно... Ей казалось, что теперь, въ настоящее время, два часа спектакля были бы полнѣе, чѣмъ, какъ дѣлаютъ..

Искушение было так сильно, что, почти афишу у театрального подъезда, она пошла в кассу, чтобы отдать за билет. Постыдился деньги.

— У спектакля не будетъ, — сказать ей молодой человекъ, выходя изъ сѣней.

— По какому случаю?

Изъ свѣней вышлесть, вице-господинъ, постраше, и прѣсоединилъ къ перемѣлу. Она съ замѣтнѣньемъ удовольствіемъ смогулякъ на хорошенкуго-женщинѣ, такую грациозную, тоненькуго, въ оконченіи подолжаномъ платьѣ, съ обѣдѣ-комъ, съваго гваза въкрутъ, крошецной плитки.

— Спектакли не будут по очень интересному случаю, — отвечать старший господин. — Примадонна вчера вечером неожиданно вышла замуж, а сейчас приехала извещать, что оставляет нас.

— Вы изъ трушны? — спросила Риднева, спускаясь съ крыльца.

— Да, — отвѣтить молодой человекъ.

— Они пошли за нею.

— Это было бы, песю замѣнить другою?

— Это довольно трудно, потому что надо замѣнять въ главныхъ женскихъ роляхъ.

— И нашъ импресарио въ болышомъ отороченіи, — прибавилъ старшій.

— Такъ что пожалуй не придется дать ничего порядочно:

— Очень жалко!

— Кото вы жалѣете? — спросилъ старшій артистъ.

— Публику, которая не увидитъ порядочныхъ пьесъ.

— А не нашего злосчастнаго директора, потерявшаго лучшую артистку? Не насъ, трушныхъ? Вотъ наймемъ въ оной юноша, по долгу службы, можетъ быть, всѣмъ собой будетъ объясняться въ любви какому нибудь безобразно, а я, благородный отецъ, получу дочку съ своею...

Отъ смѣху. Могло бы что-нибудь изъ этого сконфузилась.

— Развѣ такъ трудно найти желающую? — спросила Риднева.

— Нѣтъ, потому что условия выгодны... А теперь, въ необходимости, оудуть и еще выгоды, — перебилъ, благородный отецъ. — Найти желающую очень не трудно, но какую? Отъ артиста требуется много условий: красота, грація, образованіе... Вотъ, если бы какая нибудь дама изъ тѣхъ, что составляютъ украшеніе гостиныхъ, пожелала украситъ собою нашу сцену... Она ничего не смѣла бы сдѣлать, — возразила улыбающаяся Риднева.

— О, повѣрьте мнѣ, напротивъ! Она научила бы насъ, артистовъ по профессіи. Святская жизнь — великая школа! Конечно это никогда не можетъ быть: кто же изъ любви къ искусству оставитъ семейный кругъ, званіе, любовь, прочное положеніе? О вознагражденіи за все это странно и говорить.

— А сколько получила ваша первая артистка? — спросилъ. — Десяти рублей въ мѣсяцъ и генераль. Но теперь не дасть и болыше, лишь бы найти. Лучшихъ нашихъ, не...

въотны, уже ангажированы, а намъ къ пятнадцатому сентябрю надо быть въ А. и начать представленіе? Платить что же тутъ сдѣлаешь въ три недѣли? Я думаю даже, что онъ здѣсь и не пробудетъ, сколько рассчитывалъ отпраздновать на помски. Вы какъ подаете? — спросилъ онъ товарища на помски. Вы какъ подаете? — спросилъ онъ товарища на помски. Вы какъ подаете? — спросилъ онъ товарища на помски.

— Не знаю.

— Надо зайти, навѣстить его... Извините, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Ридневой и сжимая плечу. — Поедемъ нашу свѣлость и позволимъ благодарить всѣмъ за честь, которую вы намъ сдѣлали, удостоивъ насъ своимъ посѣщеніемъ. Вотъ, жилище наше отороченого патрона...

— Коммиссариатъ жестокъ, — указавъ на дѣтскую комнату, — и оба направилась туда. Ридневой виднѣлось, какъ они вошли на крыльцо, потому въ домъ. Она еще постояла, все глядя имъ вслѣдъ.

— Это это такой Сомсъмъ? Другая жизнь? Сомсъмъ другой миръ, невѣдомый. И какой заманчивый! Искать что, всѣмъ и кусокъ хлѣба, честно заработанный! Искать "Восемь"! какое страшное слово! Можетъ ли быть, чѣмъ не все? Нѣтъ, это такъ казалось, потому что встрѣтились добрые люди... Они — добрые люди, сейчасъ видны, люди простые...

Она припомнила, какъ два раза, жила еще въ Омскѣ съ отцомъ, въ пору своего величія, играла въ спектакль любителей и какъ всѣ были отъ нея безъ ума.

Шла "Дочь полка"... Прелесть! Пусть дадутъ "Дочь полка". Я имъ скажу, я всею роль помню и сюсю. "Дочь полка". Я имъ скажу, я всею роль помню и сюсю.

Вечеромъ она пѣла, закатывая свою любовь, потому плакала, когда та заснула.

— 9, лучше бы Богъ молчился! — замѣтила ей няня.

Риднева не спала долго, зато проснулась поздно, свѣжая и блѣдная отъ волненія. Что то, еще никогда не испытанное, вселенный страхъ, удивленіе, смѣшное съ какой-то совѣстливостью, все отдаляющаяся, будто потухающая печаль, сожалѣніе объ этой печали, мнущая слезы и желаніе оправдаться въ чемъ-то предъ кѣмъ-то невидимымъ, порывы страсти къ этому невидимому, будто въ вознагражденіе за то, что у него отнималось, утѣшенія себя и его, что ничего не отнимается... Потому что, то судасшедшее, радостное, ощущеніе, будто кто-то нод...

завести под руку и млеить, не даром коснутся земли, сердце замерзает, в хорошо, легко... И в зеркале — ко-
роче, продать — не было огня — отчаянно сыноще глаза,
сердце, тепло-волноты в нос. Как бы уложить их
так, чтобы горясть было видно, что они не фальши-
вые? Риднева вспомнила, как во время оно, выпорхнув
из-за двери, она поблуждала в гостиной,
мне, ушла, проходила мимо неуженных людей, будто
была в пустое пространство, как отогнались, одна-
коровит, встала, освещала одним неумолимым дву-
хвостом, горя, высила с собой свет и окладивше...
Давно-прошедшее! Можно было разучиться... Но она все
равно Николая не назвала она так стройна, как в
этом, черном, тяжело драпированном платье...
Антрепренеру странноющей группы растерялся, ко-
гда кто-то небрежно номер вылезла эта горя. Она
двинула к нему отклонилась всякие извинения, собралась
спинку на запыленный стол, под предлогом, что
забыла, была и выговорила, не дожидаясь вопроса:
— Вечер я случайно узнала, что вы в затруднен-
ии, вашей группе недостает артистов для главных мо-
ментов, это было сказано так просто, коротко и решительно,
что Антрепренер еще больше сконфузился. Он загля-
нул на красавицу. Он увернулся, испуганный звук, он
выговора, выработанный на отыскать, неостыжимый для
хозяек-инженер, воспитанный дешевой, пансионной,
показали ему, с кивком, ох, имейте дело.
Птичка из богатого семейства... — соорудить, он
и прибавить громко:
— Позвольте спросить, как же вы могли узнать?
Это — наша семейная тайна.
Риднева тоже мгновенно сообразила, что может до-
ставить неприятность артистам, которые проговорились ей.
— А я подслушала! — ответила она и слезла, пре-
досто засмеялась. — Да господина вытолкнули из театра
и разговаривали.
Директор как-то просить.
— Куратору никого больше не было, и я никому не
сказала, — прибавила она весело и ласково, как выноса-
тый ребенок, уверенный в прощении.

Он возмущен, что прежде эта маленькая истра-
да удавалась ей. Теперь успеть быть несомненным
красивый, щеголеватый господин, смуглый, на него
ровными глазами. Она немного прижалась, смущен-
но и... (шутливо)...
— Вы уже играли прежде? — спросил он. (Видно
отвечая, она... то есть, и играла в спектакли de société.)
Публикация о ней... Но мы хотели бы почитать, о ней на
нашего, что я могу сказать ему... Если только вы не
хотите принять мое предложение...
— Помилуйте! Но, извините... я необходимо должен
спросить вас, — это довольно трудно...
— Можете экзаменовать меня, — прервала Риднева ш-
ловно. — У меня прекрасная память, здоровая грудь и
хотя не очень большой, но, говорить, очень красивый го-
лос, — похвастался.
— Помилуйте, — повторил Антрепренер. — Уже то, что
я вижу, предать... собою... Если вы уйдете, оставив
наш театр товариществом, это — такая находка! Не
зависит всякий, но...
— Что? — спросила она торопливо.
— Можете быть, ваше семейное положение, ваши ро-
дители... Вы — девушка?
— Вдова, — ответила она, содрогнувшись, будто ни-
кого не говорила и не слышала этого слова. — У меня ни-
кого нет, я свободна.
— Это — другое дело, — выговорил Антрепренер, при-
ятно улыбаясь. — Стало быть, не нужно никаких по-
звонений. А то задержка очень скучна... Очень рад,
многие просить. В чем вы уйдете добровольно?
— Как в чем?
— Выберете сами пьеску, так, небольшую, наибо-
лее, чтобы не затруднять нас постановкой. Я, видя, что
вы с первого раза далам описок, обманово
я назначу сам. Что у вас есть любимого?
— Но... ничего. Не знаю... что хотите.
— Заметьте, что вы очень неопытны, — продолжал ду-
ректор, любезно, но принимая уже совсему ховякий
тон. — Хорошо-сы! Мы вам выберем. На первый раз

* Любительские спектакли.

— Какое повеление, — прочтите с ним. Найденся у вас чтонибудь Тургенев, Пушкин, что ли?

— У меня есть книги.

— И прекрасно! Где ваша квартира? Госпожа Ридица, вы сказали? Не перебивайте имени?

— Я, обь, этомъ подумаю, — отвѣтила она, замѣтивъ что онъ съѣлъ, между тѣмъ, какъ она стояла, и вѣздъ пилуку. — А контрактъ?

— Ну, хоть послѣ первого дебюта, — дайте срокъ! — возразилъ онъ уже совсѣмъ нецеремонно. — Между артистами между честными людьми должно быть довѣріе.

— Я такъ и думала, — замѣтила она. — Я считала себя въ этой труппѣ уже съ этой минуты, потому что знаю — вы будете мною довольны!

— Вотъ это прекрасно! А то, признаюсь, я хотѣлъ замѣтить вамъ одинъ, одинъ небольшой, впрочемъ важный недостатокъ.

— Какой?

— Вы не смѣлы.

— А!

— Но это еще пріидетъ.

— Надѣюсь, — сказала она, неопредѣленно возмущенная, чувствуя, что надъ ней сызвѣется какое-то несчастье.

— И не откровенна, — любезно продолжалъ директоръ. — Позвольте... Мнѣ было бы весьма пріятно заслушать ваше довѣріе, потому позвольте предложить вопросъ: вамъ, можетъ быть, сейчасъ нужны деньги?

— Ей хотѣлось умереть, ей хотѣлось бѣжать. Она осталась, какъ приволаченная къ мѣсту. Этотъ человѣкъ, какъ жется, смотрѣлъ на нее. Она ничего не видѣла; она думала, какъ вернется домой...

— Да, — сказала она, не оборачиваясь, не зная, что дѣлалось кругомъ въ теченіе этихъ нѣсколькихъ секундъ.

— Съ удовольствіемъ, извольте, — заговорилъ снова директоръ, подавая ей ассигнацію. — Это — задалось... Или нѣтъ! такъ какъ вамъ, въ скоромъ времени, придется ѣхать съ нами, это — на подѣлать... Конечно издержки вояжа, какъ слѣдуетъ, мои... Ну, это не въ счетъ! Сочтемся!

— Онъ сѣлся и пожимать ея руку.

— Я даю расписку, — выговорила Ридица.

— Зачѣмъ, пожимаетъ между товарищами артистами... Вѣдь, знаете ли, случается, я самъ игралъ! Да-съ! И самъ чувствую — плохо, но страсть! А иногда необходимо: замѣнить некую... Такъ вы позволите, мы пріедемъ сегодня?

— Прощу васъ.

— Приведу вамъ нашего „перваго любимца“. Вы ихъ у меня хорошенько окантите...

Антрепренеръ продолжалъ ее до крыльца. Она шла, какъ помысливъ.

— Ну, вотъ, вотъ, все слѣдано. Все рѣшено. И преле- красна! Новая жизнь... благодарное занятіе. А р и с ч к а — даже слово такое хорошенькое... Грѣша, да что же я не умерла въбѣ съ тобою?

Ея поклонилась какой-то проходившій господинъ; она машинально приостановилась — вчерашній „благородный отецъ“. Ей стало вдругъ странно, неровно смѣшно: вѣдь это — товарищъ...

— Куда вы? — оклинула она его, сама не зная за- чѣмъ, съѣло и звонко, и ей голосъ вдругъ оборвался.

— Туда же, гдѣ былъ вчера: къ директору нашей труппы, — отвѣтилъ артистъ, обрадованный интересной встрѣчей и такимъ неожиданнымъ вниманіемъ.

— Идите, идите скорѣе; вы такъ узнаете новость.

— Новость?

— Которая удивитъ васъ.

— Пріятно?

— Почему же я знаю!

— Но вы почему же знаете эту новость?

— Идите, идите! — повторила Ридица, уходя. Ей стало стыдно... Но что же не почувствуя, въ по- смѣяться? Столько слезъ выплакано... да и теперь развѣ легко на душѣ? Надо же быть и благодарной: вчера, въ эту пору, закли, дала горюхѣ послѣднее платье... А его надо выкупить; оно понадобится... Чужъ-жъ это? Неужели?

Въ ея воображеніи зашевелились костюмы, наряды. Она заглянула въ окна магазина, вошла и черезъ нѣсколько возвратилась домой со свертками покупокъ.

— Люба, гдѣ ты? Иди сюда! — Она стала выкладывать, дочь въ стеганое пальто коричневаго цвѣта, бахрома- та... Вотъ она, моя рыжая бѣлошца, ясноушій, мой ан-

жого народа... Но и лучше, что кругомъ чудше, что, во-
торя. Такъ диче: некого думать. А ей хотѣлось по-
думать, но... лучше, что некого. Къ чему волновать
себя? Отъ этой четверти часа зависитъ ее участь... Да
ужа, Боже мой, такъ мудро доказалъ этотъ свѣтъ...
Что?.. она не знала. Она хотѣла за что-то мстить общес-
тву, которое съ этого часа дѣлалось ей чужимъ. Вѣсн
душа вспыхнула злостью, накипавшая за много лѣтъ, ей
было больно... но некого не жалѣ, никто не нужен!

— Конечно! Иду одѣваться! — весело, вскричала она,
пробѣгая въ уборную!

Директоръ, пришедшій, что его впустили всета, она
задремала, не успѣвъ еще ни разу покалываться, какъ
Риднева возвратилась.

— Какъ, уже готова! — вскричалъ онъ.
— Но вѣдь-только! — отвѣтила она, указывая на свой
кашмировый пеньюаръ, нѣжный, какъ первый свѣтъ.

И не примирившись,
— Развѣ вы находите, что нужно? — возразила она,
наклонивъ къ нему лицо и близко взглянувъ своими блу-
стичными глазами. — Но вспомните! — не убрала, дѣдушка...

Она пошла мимо него на сцену.

— Въ такомъ случаѣ, вотъ такъ еще вѣрите, — ска-
залъ ей въздвѣ директоръ и сдѣлалъ съ ее головы чер-
ную ленту.

Ея волосы разсыпались. Она испугалась, оскорбилась,
но оправилась уже было поздно: занавѣсь поднималась.
Воспение пришло ей силъ, разогнало послѣднюю ро-
бость; она чувствовала, что хороша, что это должно на-
ходить всенѣ... Еще разъ въ жизни довелось торжественно
ходить всенѣ... о, какъ долго она дожидалась!.. Забылась, въ
чаду, она была свѣтла, увѣрена, статична, будто въ
честь ее давнѣе праздники.

И много аплодировали, ее вызвали. Она не знала,
что этой бледно-розовой публики она была ознамен-
дней чувствительной и влиятельной дамы, которая два
дня повторила всѣмъ своимъ побѣдителямъ, что нужно
поддерживать бѣднѣжку, у которой нѣтъ другого ресурса.
Но при вызовахъ ей было неприлично, нѣсколько отъ-
вѣтало на новое имя, которое она услышала свое насто-
ящее имя, которое кто-то крикнулъ по ошибкѣ, а, можетъ

быть, и отъ умиленія. Вдругъ, въ первый разъ, — какъ на
страху! — но, точно въ первый разъ — у нея мелькнула
мысль: что сказать бы ей мужъ?.. По этой минутѣ она
была разнѣ, только исполненіемъ своего намеренія, по-
манила только своего крайности, только свою лику, броси-
лась въ нежизненное, развлеклась шумомъ, новыми де-
лами, новыми сѣдлами, обставленіемъ пестрой, безумнодо-
вой, рѣзкой, полной приключеній.

— Греша, простя меня, мѣ въ весело! — шептала она,
выходя въ четвертый разъ раскланиваться публикѣ.

Вернувшись домой, утомленная, она сейчасъ броси-
лась въ постель. Дѣвочка еще не ложилась, ждала маму
и обрадованнось приѣхала ласкаться; нянька, доволь-
ная тѣмъ, что ей подарили на платье, повозволять
приготовить чай. Горничная, которая въ эти дни опять
вернулась на только что оставленное мѣсто, ласково и про-
покойно убрала туалетъ госпожи... Все было какъ-то свѣтло,
покойно. Риднева заснула, не успѣвъ подумать ни одной
минуты.

На завтра, въ слѣдующіе дни — то же, опять роль,
опять релетиці, опять хлопоты съ костюмами. Риднева
ушла. Она испытала все, что ей дали „на подвѣтъ“,
а подвѣтъ приключился. Конечно „вожжъ на свѣтъ ди-
ректора“, онъ такъ казался, — но какъ быть безъ де-
нетъ? Риднева поучила няньку распродавать все, что оста-
валось у ней въ домѣ мебели, посудѣ, неужившихъ за-
отъзвонѣ. Набралось очень немного, но, гуляя по го-
роду съ порученіемъ, нянька услышала столько отвѣт-
завла, что все это — кнеше) не сочла приличнымъ оста-
ваться при ней, а еще меньше — бѣжать съ нею чертъ вна-
еть куда. Она такъ и выразилась. Риднева протчала ее.
Уходя эта женщина попросила тѣмъ, что услуживала
„покойнику“ во время его богушны. Это было уже всею
возмущеніемъ. Горничная не напоминала, никакъ
услужить, а слѣплымъ слышала давно и не возразила, не
находя въ немъ ничего особеннаго и вообще думая, что
если бы онъ и подтвердился, то это было бы только
приглашеніемъ разноморазіемъ. Она съ удовольствіемъ бѣжала
показывать свою преданность, хотя на край свѣта и, чтобы
привести ее по сердцу, когда она услышала свое насто-
ящее имя, которое кто-то крикнулъ по ошибкѣ, а, можетъ

шени. Люба, некогда не любившая вышки, а теперь в не исполнении: у ней было слишком много конфет, в ку-коль.

В два дня Риднева играла три раза. В без-численном множестве произведений сценической литера-туры нашлась какая-то незолотая драма, не совет-безжалостная, какая-то пьеса с куплетами без па-всича, и директору труппы окончательно очаровался. Ему точно достался клад: новая актриса уехала ни с-кварт, не соорившись и никого не оскорбив, при-лима, снисходительна, готова на маленькие услуги, при-двинула даже женщин. Никто не мог думать, что она-убранных, что у нее была бы не может. Она была не-мелочна и слишком хорошо воспитана, чтобы безпо-ить себя и других из-за мелочей, к тому же еще не-представлялось и случая для столкновений и — что всего-важнее — ей давно не было так весело, и она счастливо-пользовалась весельем.

* * *

Веселая стало не надолго. Труппа переехала в А. Котла на новом мейстер, где было знакомо все, от-улицы и мелкий быт, которые составляли особен-ность провинциальных городов. Риднева увидела себя-советом одну со своей деревенской, она очутилась.

Прежде всего — пусто. Когда-то, давно, она съездила-на дачу старыми друзьями, которые хранили разные суве-ниры. Теперь она дорого дала бы, чтобы видеть хоть-пестрые обои своей комнаты, там, где она, что ей так-жиды она, казалась так, «непорядочны», за которые одна-окнами не жалко было бы приносить прощание, от-которых было она с досадой отпустила знакомых. Те-перь ни одной знакомой души, нить встречного, кому-поклониться. Одни театральные миры, который уже при-лидывал, хотя ежедневно превозносил, как новинка. Ни-чего, ни следа похожего на прошлое.

Святыня женщины, любительница, удостоившаяся-для благодетельной цели или для собственного удо-вольствия раз в год вступить на подмостки сцены, — артистка по профессии, рекламная газет, прихотью су-д-артистка по профессии, рекламная газет, прихотью су-

бы или публики выдвигая в знаменитости, находить-всю прозу подмостков прибранную, убранный, все кн-этих, давай десятков ночей просидеть швед, и костюм-будет убранный, что бы ни стоило. Он всегда произ-водит эффект, хотя бы были безобразны, их исполне-ние всегда восхитится, хотя бы он не понимал ни-слова из всей пьесы... Раз в не иллюминировали одной-Маргариты, которая бросалась на бриллианты Мерисо-фельд, с — хотя бы сватовская женщина или продава-лившая артистка была действительно совершенство по-му, талант, красота, сердцу и образованно, она все-таки отрывалась от всех житейских забот, память-нах невольно, волнуящихся, разочаровывающихся, одиан-дающих вхождение, она спокойно изучила свою роль, передавая ее, чувствуя свою власть над внимательной-толпой. Но спектакли никто почитательно не сводил, пре-взвешивая ее, кончив, стои со сцены, победительно-встречая поклонение всего, что есть знатного и бе-стального, или еще больше — порою избранный кружок, насладившись в развешенной обстановке, в товарищеской-понятии, отпав, где роскошь обстановки уже и не за-мечается, как подробность, к которой привыкли.

Но провинциальная актриса? Длинная кавальера, где-за переполненной хозяйки распахивает чай, заглядывая, в шепот, подслушивает, насмехается и хорошо еще, если не сипитничает. Расчет каждого дня и невозмож-ности, несутся светить этот расчет толком, привести-жизнь в порядок, огуляющая возни, безденежье, займы и выданные их сношения с людьми, которых не пу-стили бы на пороги. Товарищество, которое может быть, могло бы быть и приятным, — но эти товарищи живут-также день за день, таким же неустроенным жить емь, имь такой же несутся, их интерес также бьдны. Они-также скучают, без возможности выразиться, другие вину-лись и несомны. Из них — женщины жалки или пу-сты. Другой нить и быть не может там, где каждый-день может встретиться малое соперничество из-за-молды пласть, из-за лишнего взгляда, из-за эффек-ной рожи. Эти театральные роли, безграмотно переискусств, изобретены, кем-то, которая противно вать в руки, —

нот и все умственное занятие. Какой-то странный, особенный разговор, особенные вкусы... Общество... Оно ведь пыталось смотреть из-за локтя, шуметь в партер, преследовать на улицах, припавшая желанность в ресторане, но любовь своих не отворачивала. Остается запереться у себя дома. Но что делать в чужой отдаленности? Голова полна чужих мыслей и чужих слов — быть невозможно думать. Тысячи мелких житейских подробностей, которые прочесть что нибудь серьезное.

Но Ридева и не умела читать серьезное. Все свое, жизнь она только набрасывала себя в годовую романы, забывала, что бросала, как свои лент и перчатки по комоду. У нее оставалось общее, обобщенное впечатление, и не бывало желаний остановиться, пережить, припомнить и поговорить с красной прочитанной. Къ счастью она легко, механически заучивала наизусть. Теперь, вычитывая для души, она поговорила немного выдумала, но ей больше помогали романтические сказы ее ума и желания нравиться. Публика неискренне интересовалась Ридевой нравиться; она была сама хорошей женщиной, не только в трупах, но и во всем тогда.

После двух-трех представлений, антрепренер, на новом театре уже гораздо меньше любивший со своей программой, объявил ей, что не может, в утлу ее сребренному нраву, давать ей драмы да устаревшие водевили, что лучше у публики другой вкус, с которыми он, директору труппы, набирать сообразается. Завтра он, показав ей репертуар сезона. Тут было все новое, весь Оффенбах и тому подобное, и увертюры, в том числе комический чтец и танцовщица.

— Я этого не умю, — возразила Ридева.

— Но вы ведь слышали спыхали?

— Да, конечно.

— Так, постарайтесь. У вас талант.

— Я на это неспособна.

— Э, походите, отойти начесть!

— Я не хочу!

— Вы бы так и сказали. Так я напишу в Момент! мнѣ театр рекомендуют артисту, а с вами придется расстаться.

Разъ я не могу исполнить серьезный роли, между тем, как друзья...

— Это мнѣ сорочить друзей? Немного нахлещу-ся. Къ тому же ваших слезных комедий больше не поставят ни одной. И казна пуста, и артистам надобно. Так, как будет вам угодно. Вот роли, возмните, или поручите возратить тѣ, что у вас. Да ужь кстати... Онь не доводило, но Ридева очень хорошо понимала. Возвратите деньги, которые забрали вперед? Это было сказано при товарищах. Она всхлинула, но поспешно не потерялась.

— Если я отговаривалась, то потому только, что не сама дѣлала, — сказала она, как могла спокойнѣе. — Дайте, я посмотрю...

Она долго рыдала, возмечившись домой. Она знала, что от нее хотѣли. В короткую пору своего замужества она выжила все эти пьесы, тогда онъ ее влюбил, и правились ей. То простоушно уверена, то упрямю, на зло, она спорила с мужем, что не находить въ романе, ничто, ничто, кроме открытого сѣха... Теперь, когда ей предстояло на выбор — годовать или тыщить собою зрителей, какъ тѣ несчастны, которые она сама убивала, она поняла ихъ положение.

— Что делать? Боже, что мнѣ дѣлать? — повторяла она въ отчаянии.

— Э, походите, Выхаживает Васильева, — говорить "благородный отец", приди навестить ее въ тот же день (онъ былъ добрый мальчик и искренне расположился къ ней). — У вас странный скрупулезности, как-то монотонно. Это въ дѣлѣ времени, въ порядкѣ вещей. Это, уверно вас, полезно для толпы! Это ее развивать... Да, да!.. Вы раздумывались ли когда нибудь объ искусстве? Что оно такое? Оно — выражение потребностей общества и въостъ—его наставникъ. Въ настоящее время людямъ необходимо свѣтъ, какъ отдрахъ отъ поспонной вавоты о хлебѣ... Да, да, именно! Никогда еще такъ люди въ голодѣ не кричали о "хлебѣ", какъ въ нашъ вѣкъ... Слѣдовательно свѣтъ необходимъ. Надѣ чѣмъ же свѣтѣть? Конечно, надѣ глупыми идеалами, которые доведут людей до этого нищенскаго крика! Вотъ, видите, люди, добродѣтели, — пора проставь следовали, уйд-

дать все это "въ натуральности", как выражалося у наших знакомых; это научить не звать, не воспользоваться вздором, не верить искренним ребякам... И предельная это наука!.. И знаете ли еще что? эта наука дается по мере, сколько человек способен, гуманнее. Выполнив — въ самом деле, само человек или судья, или необходимо дается, само что то, что называется "путь истинный", — средним его съ того, что называется: точно ли "истинный" и не оступашься... Да еще подумайте: точно ли "истинный" тот путь, что все елика, все разные степеней да самоутверждения, ради не вбросить что?.. Наследство своего народу, все боится гнуть против духа, а бодяго плоть, что совести заблудил! Размышляли вы об этом ко-гда нибудь?

Рингера должна была сознаться (конечно только с собой), что никогда ни о чем не размышляла. Она слушала, не возражая, но между ней и тьмой, неподсчитанной, углубляющейся, становилось простое, непосредственное, необъяснимое, даже безымянное чувство, но чувство сильное, охватывающее всё доверху: ей было profoundly. Она хотела возражать, что и въ ней это тоже — любовь, любовь, следовательно нельзя и не должно ставить его молчать, но удержавшись, смутилась и только выговорила:

— Ну, вот еще! Я так и ждала! Выполнѣть свѣтская дама! — актеръ расхохотался. — Ужъ я не стану толковать вамъ, что въ самой жизни грѣзи еще больше; оставимъ это. Но скажите мнѣ серьезно: что приспаваетъ къ вамъ этой грѣзи, къ вамъ, къ душѣ вашей, передѣлывающій — вы, все-таки за идеаль? Счастливи, передѣлать, вернувшись домой и глядите себѣ ваши сто поклоновъ или тамъ сколько ихъ у васъ пребудетъ: вы все та же. А тѣ, кто видѣль васъ, развѣдываютъ веселы и поминать васъ добромъ. И вы, точно, судяете добро...

— Я вамъ доказывать? Забыли? Но хоть то, что доставите эстетическое наслаждение, потому что хороши вы гудете, какъ... не перейду и словъ! Я въѣхъ въ васъ безъ пачаты въоблеченъ съ перваго часа! Вы не хотите это замечать, но я великодушень, не настаиваю въ васъ и безъ васъ во время за васъ. Такъ случается: нашъ хозяинъ не шутитъ; у него въ самомъ дѣлѣ есть кѣмъ васъ за-

мешать. Вам — не конфузаться! — некуда броситься, оного быть, держитесь крепче и играйте... Вь мою голову! По-смыслу, какого я вам изобразил Калхаса! Конечно двальть было нечего...

— И давай, разберемся, роль и сыграла. Какъ новички твои, — пожуль, такъ и она въ невѣдѣніи, въ неопытности, со злости, орамаха превзошла въ ожиданіи! Сѣбно, етъо своего исполненія. Она была отравительница! Ре-на, заваляла пятка, шурть, разъ, а къ побѣдѣ! Разноу отъ, разчакъ въ "волютой молодости", уже угадывъ, постель и, прощай! еѣ бункетъ. Антипренеръ, распродовать "он, утѣка-етъ". — Каролава, Омиренцева, лункавал! — повторить, отъ, — Антипренеръ, бундетъ не утѣкать!

Буде даша, усталая, как никогда, Рилева спускалась с лестницы. В коридорах, в стенах все ворвались о ней и никто не узнал, замученной женщины, когда встала за горничной, которая неслась ее уезжать, она неужело вылезла на оборванный прожект и утратить головой на этот уезжать. Вышла, унесенная осевшая ноша и хлестать дождь.

— А ужать кать вы, сударыня, сегодня прекрасно играл! — восхищалась горничная.

— Ничего-съ. Она не проснется. Ахъ, какъ прѣ-
красно! Меня за кулисами спросить оцень баринъ, вы-
сокой такой, облокотый, выпившій... Изволите ли примѣтить?
Въ первомъ ряду сидѣть?

— Поди! — сказала Раднева.
— Ничего отъ, — подпеваетъ... „Когда, — говорить, — милая
дверьшная, выша госпожа Леолина можетъ меня у себя
принять?“

— Да ступай же, я спать хочу! — закричала Раиса.
Давочка не проснулась.
Да, правда, все та же, ничего не пристало, и любовника вѣтъ, слава Богу... но отчего же душишь? от-

— Чего по шее будут прощали похитити всей этой толпы? Не лучше ли, да, не лучше ли развешать отшельца-одноу, нежели вот так, выносить наглость встать? Повеленый директор салт. предложить Радневои, большуу прощайку жаловаться. Мненьи, раздвигать-решить, жонши, ни выдумь, какаруйся по России, пред-датель, оюи, пятнадцать тысячъ, дохота. На, ренесло отало для неи каторгой...

Такъ прошли два года. Дѣтѣмъ трудно, вѣдѣла по-прежнему, зарабатывала мало и питалась badly. Антфер пренеръ питатель одними общинами. Риднева пошла въ крайности. Къ довершенно всего ея дѣвочка отъ насъ, холмъ присмотрѣ, отъ перевозовъ, отъ дѣтскихъ хворала и чахла. Риднева еще писала къ токъ и наконецъ получила. Выходъ прѣхать въ Енискъ. Но фактъ было не съ чѣмъ. Съ осени начались опять постоянные спектакли, чѣмъ бы сколотиться какія нибудь деньги, но это а уми-рала и умерла. Риднева рѣшилась все бросить: не оста-валось дѣла унизкаться.

— Она на предложение, зачать детей, выпросить себе невольно отдала, ради своего гора. Директор — таскался, но никак не больше как на неделю изо дня в день, иначе вь контракте были предусмотрены все неустойки. — Хорошо, вернуть, — отвянула Ризнева, расчитывая соврать, уничтожить контракт и заплатить все, что она не получила, говорить, нечего и думать!...

— Дадутъ ли мнѣ наконецъ обѣдать? — закричала Раднева, отворивъ дверь своего номера.

Она не могла выносить возмущать этого коридора; в темноте, по полу свёртывались какие-то ошонки. Мокнуть, у неё мутилось в глазах, от нездоровья.

— Есть ли тут кто нибудь? — озовался служитель, звени на. — Сейчас, неур-сь, — оговаривался, разотвывая, придоромъ въ появляясь. — Только и осталось, разотвывая, поспѣшныя порца... Вы ужъ извините, сударыня, что за-мѣнялось, — потому, вы сами изволили кричать, испуга-лись. Мышки-сь. Хозяинъ приказываетъ сейчасъ имъ до-карасть.

— Возьмите прочь эту гадость! — восклицала Раднева, —

оттоплевывая то, что предъ нем поставила: — Принесите мне чаю, но свежее... и свежий хлеб, и кусок шведского сыра, но свежий, из мятежины! Это не гостиная, а поварня явил.. Заговорите купеческие дяди!

Она распахнула форточку. Может быть, удушливый запах фосфора мерещился ей слытьве, несли бытъ въ оаьдъ дѣтъ, но она немного услонодилась только тогда, когда морозный паръ заглянулъ въ комнату, колебля оючь свѣчи. Въ открытѣй синѣй четьреугольникъ свѣтъ-дѣлъ большае вывѣзъ. Это что-то хорошо...

“Вот охраничу, еще будет лучше, — подумала она, заперла окно, пожемясь прислонившись къ печкѣ, глѣдя руки и смотря въ предѣ собою. — Что, если въ самую дѣль охраничу? — Она взгляда, потому засмѣялась. — Любопытно, какъ здѣсь играть и кто. Не мѣшало бы, даже слѣдовало бы посматрѣть. Если бы заранее знать, что не захватѣть было таскался все утро, да не этотъ извѣстникъ... скотъ!.. Да, посматрѣла бы... Охъ, загля опять тѣло въ мужикова, въ непонятномъ ватонъ, сутки цѣлыя... Но неужели опять туда?.. Вотъ вѣдоть, вѣдоть уже рѣшила, некуда больше: счастье, что хоть это есть, а то... Вотъ, такъ-то цѣлый день не покупай, да не знаа, куда голову престолонить... Только выйдутъ ли завтра? Что, если не придетъ дуракъ этотъ, Епещиски? 5, придетъ! Распавалъ... Что онъ себѣ воображаетъ? А великая истина, что они гуляла. Глѣ же мон брошенъ? пропалъ съ нѣю “

Она порывалась въ дорожниковъ мѣшкѣ и достала не-
большую сафянную корбочку, а изъ ней брошку—золото-
той узелъ, охваченный сафировымъ, — и приложила ее на
грудь. Въ веригахъ, гдѣ вечеромъ, при одной свѣчѣ, по-
лыла уже было ничто разсмотрѣть, сверкнула только го-
лудой огонекъ драгоцѣннаго камня.

— Простите, как! Других негде было, как подарили бы бензину, и обновить не успела, не до того было. Околоже дить не выдала на себя волю! Вот за дёломъ сюда привёзла — послѣднюю вещь послала!.. Кому-то она достанется? Епифаній конечно знаетъ здѣсь всё мальчишки, сдѣлать завтра утромъ, а мнѣ сообразна вернётся подкапала мѣшокъ — и на вокзалъ... Что же бо? же дѣлать!

Принесли чашу. Сохраняя важность, Радченков ел

моща дожидаться, пока выйдет поварой, чтобы не обжогся на теплое, на вскопугу, вду. Она, вся дрожащая, лишь бы, теперь не приходить Епещий... Боже, но вѣдь и это счастье—погрѣться и поѣсть.

— Да не обжугули слезы.

— Глупая я... Посмотрѣли бы на меня барыня, хотя бы, что будетъ носить мою брошку! Ну, изъ-за чего я плачу? Деть, мой, вѣкъ мой... Лишь бы не помышлять Епещий!

Но она не успѣла, налить вѣрую, чашку, какъ въ дверь постучали.

— О, чтобы это! — проворчала Риднева, пряча хитро, испуганно, догадываясь, что и безъ отвѣда... Войдите! — Кухенскій вошелъ въ шубѣ и завалилъ ею и сѣдою, пылая, уголь, какъ вы? — началъ онъ. — Да какъ тутъ у васъ...

— Я люблю холода, — прервала она: — хотите чай? — Позвольте, не откажусь. Я прямо изъ-за отвѣда. Вѣдь, клубы были разные торжества по случаю выбора старшины.

Епещий говорилъ, пока она вставала спросить еще чашку. Говоря онъ отыгрывалъ комнату и все, что въ ней было; по стульямъ легало разбросанное платье, которое сняла Риднева, воротнички, посты. Возвращаясь Риднева замѣтила, чѣмъ занялся гость. Онъ поймавъ ее вѣдалъ.

— Нужно я этотъ артистическій беспорядокъ! — сказала онъ со своимъ сухимъ смѣхомъ. — Это, знаете, сразу, какъ-то опредѣляетъ отношенія собесѣдниковъ, отягчить, одними словами, въ такое положеніе... Хорошо, однимъ словомъ! — заключилъ онъ, въ увлеченіи даже взмахнувъ руками.

Епещийета Васильевна сѣла на свое мѣсто, на диванъ, къ самовару.

— А вы отдыхали, покоились?

— Да.

— Вы мнѣ позволили закурить?

— Если хотите.

— Не обещано? Впрочемъ въ компаніи артистовъ, вы конечно, такъ сказать, обстрѣлены. А отпущено ваше общество! Прѣно, какъ посмотрѣшь на наше... Вотъ, хоть

сѣдѣть: сѣдѣлось насъ? Дѣлать чепуху, чепуха, чепуха! Безобразіе! — по патнадекти рублей подписка, да не въ счетъ этого, сколько еще потребовалось нина... Я, тутъ конечно, не при чемъ; мнѣ — два бокала и — пес, рѣшѣта... Объявляю, — поминайте, что за удовольствіемъ Нолѣ бы, каждый что нибудь сказать, провести однимъ словомъ, для обществанаго дѣла... А то вѣдь пропадаю безсильно! Нашлись, разъѣхались, задегли спать, ни, просятся — въ театръ къ послѣднему акту. А какой нибудь, ни, сѣтъ, пришло, Николай Дмитриевичъ, Мьянѣвъ, — утрѣ у меня, шѣрили, тѣмъ, я, дѣлать, — Херошъ, будетъ, тѣмъ, я, дѣлать, — Архипъ, — Боже, не, отшельники, — замѣтила, Риднева.

И оженъ и прекрасн! — воскликнулъ онъ. — Это, даже изъ существа, особенн! Но, впечатлѣн! Сидѣть, другіи! Свободѣ, главно! — свободѣ! Изобрѣтатель, ность, шикъ... Я самъ бывало... О, моя ность, о, моя сѣдѣть!... Въ, глухомъ городѣ, ну, знаете, провинці! — тоже, труша... Бездарности, невѣжество... Я — шикъ, нѣжъ, лѣтъ, дѣлать, мнѣ было... роли, бывало, нѣжъ, сѣдѣть, фронтиски, фрески русскими буквами... И, одна, была хорошенка, все еще, я помню, мальчиговъ, она, играла... Ну, вѣдѣлся по-уши, а меня улоупляла, бл! — посклонности, друг!... И столкновѣніа, сама, комическія... Нѣтъ, какъ можно, — продолжалъ онъ, будто съ нимъ, спорилъ: — артистическій мнѣ или нашъ, дѣловой, законъ, тѣмъ... Даже свѣтскій мнѣ! — вскричать онъ, вѣдѣтъ, съ ожесточеніемъ. — Ну, можно ли сравнить эти золотенно, салонъ, эти условія, всю эту „ветушь маскарата“, какъ, сказалъ Пушкинъ...

— Съ произведеніями кулисами? съ удовольствіемъ под-стать, лишь подъ, разжизнѣе, примера? съ поклонни-ками, которые наиваются въ билль-ярной! — прервала Риднева и захохотала.

— О, да вы...

Епещий въ секунду сбился и захохоталъ на свой ладъ.

— Это — друго дѣло-с. Это ужъ что же? Это ужъ ка-

*) И не болѣе сверхъ этого.
В. кветовскій, «под. собр. соч.», т. III.

ние же артисты? — заговорить онъ успокоительно. — Это не то: этого мы и не признаемъ. Этого вы и сами не знаете. Вамъ конечно въ первую минуту показалось неловко перейти отъ такой условной, нагнутой жизни, какъ жизнь святыской женщины, къ свободѣ артистки; но въѣздъ это все равно, какъ если бы изъ зараженного воздуха въ сѣнь мгновенно перенесли на вершину Альпы, гдѣ свѣжесть, блескъ, горизонты... Вы отъ этого перехода стали неловко здоровѣе. Я теперь лучше смогу войти въ васъ: вы действительно похорошѣли. Вы, такъ сказать, изъ хризаглита... Но я какъ будто еще васъ вижу. Въѣздъ плавать, роза у пояса, опущенные глаза... предостереженіе, но хризаглита. Не то намъ нужно-сь. Вы были... Ну, что? Фактъ, глупенькая дѣвочка вы были! Извините, драгоцѣннѣйшая Елизавета Васильевна! я вѣдь всегда такъ вамъ сочувствовалъ... Странно даже, какъ можете такъ долго... нѣтъ даже, безнадёжно! — какъ можете такъ долго удерживать симпатіи въ чужовѣкъ... ни тогда, ни что...

— Хорошо, — прервала она, позволяя ему похлопать въ руку и отчаянно думать, какъ бы скорѣе покончить, что нужно, и прогнать его. — Но видите ли... мѣнь не докоплетесь и обонимъ намъ это не пристало. Вы мови внагли и любиле дѣвочкой, я хочу остаться для васъ тѣмъ же.

Евгений чуть-чуть повернулся на мѣстѣ; въ его мѣдвѣнкихъ глазахъ вспыхнула что-то злое и яркое. — И вотъ именно потому я буду съ вами откровенна. Я заглажу хобота и выдѣлю васъ... Я было думала остаться здѣсь, но такъ какъ это все разстроилось, на-сѣдѣю это.

Она терлась.

Евгений молчалъ.

— Я убѣжало... Вы знали близко моего отца, вы его также любили... Я хотѣла просить васъ...

Последнее слово, казалось, окончательно возвратило Елизаветѣ его самообладаніе. Онъ отбѣдилъ задушично и значительно:

— Единственно, что я осуждалъ въ васъ отъ, это его нерасчетливость. Я даже часто давалъ ему рубикъ отпугнуть; мы съ нимъ не делили въ этакъ случаѣхъ. Но между людьми одинокъ понятій, одного, такъ сказать, за-кале... Я былъ преданъ вашему отцу. И я это дока-

завъ: когда онъ убѣждалъ, тогда что было въ моихъ средствахъ... У меня тогда небольшія были средства, даже очень небольшія, одинокъ я...

— Я знаю, — тихо сказала Риднева, — когда мы убѣжали отсюда, вы помогли намъ.

— Да... конечно, немного... но...

— Во мѣнь есть то откровенное, — заговорила она, слыша и волнуясь, — что я не забываю своихъ обязанности. Я знаю, что отъ васъ остались вамъ должны, и знаю сколько. Ничего бы я такъ не желала, какъ заплатить этотъ долгъ...

— Но, сколько я могу заплатить, вы не имѣете этой суммы? — подождалъ Евгений.

— У меня ничего нѣтъ! — почти воскликнула Риднева и смущалась еще больше отъ досады, что выдала себя. — Я расплатилась тамъ, прѣехала налегкѣ... А теперь... Нешан ли обратитъ это въ деньги?

Она отстегнула брошку. Евгений вынулъ ее и при-сталъ къ свѣчѣ, чтобы лучше разсмотрѣть.

— Красивая вещица! — сказала онъ прищурившись, — отчегивая отъ дѣлки и нѣкоторый, такъ сказать, отпеча-токъ оригинальности. Неурно! Вы хотите это продать?

— Да.

Евгений продолжалъ разсматривать брошку, попробо-вать, какъ она застегивается, и застегивать блестятъ камень пруть отнѣтъ.

— Зайчики, — сказала онъ, улыбувшись. — Это — са-пидиръ?

— Да.

— На фальшивый?

— О, нѣтъ, какъ можно!

— Вызвѣсть-сь, ошоръ и радюжъ. Во сколько вы ее цѣните?

— Мнѣ подарилъ въ бенефисъ, но я знаю цѣну; вещь дорогая. Посмотрите, вотъ футляръ; работа. Вальдъ. У Вальдана не бываетъ поддѣльныхъ камней.

— Вы думаете? *Sans simplifier* *)! Такъ, я вамъ скажу, всегда заблужденія женщины! — любезно сказала онъ и осматривать футляръ. — Такъ что же, собственно, вы желаете?

*) Слѣдъ простота.

— Чего вы продали ее в магазин?
— Что вы за нее хотите?
— Сто рублей. Я знаю навёрно, она куплена дороже.
— Вам не дадут и полмиллиона. Но, если вы уступите, я могу взять ее за семьдесят пять.

— Вы сами?

— Вдвѣ вамъ все равно?

— Конечно.

— Больше никто не дастъ, поверьте.

— Я вамъ вѣрю.

— Такъ вы согласны?

— Очень рада.

Еще одинъ положилъ брошку въ футляръ, а футляръ въ карманъ.

— Милѣйшая Елизавета Васильевна, — заговорилъ отецъ, улыбаясь дружески-ласково и покачивая головою. — ей Богу, милѣйшая! Какъ бы узнать, что это: дорожное воспоминаніе сценическаго успѣха, — или болтъ? Но нѣтъ, нѣтъ, не сѣблю, ни слова большаго! Я не въвязался въ душевную область, въ тайники... Не наше дѣло! Прощай, раша! — не гонимся мы. Вотъ ужъ и усталость сказывается! Вамъ — вѣдь, такъ сказать, заоблачный міръ, а намъ — лежанка! Пора домой! Прощайте, дорогая Елизавета Васильевна! Да благословяте васъ Фебъ и муза. Нѣтъ, не въ шутку: я съ наслажденьемъ убѣдился, что вы — все та же умница, приваза хорошаго дѣла... Общевая вы! — Пожимая холодныя руки молодой женщины, отецъ успѣвалъ накинуть шубу, вытѣять сапоги и отворить дверь. — Что за телятня! Не беспокойтеся, найду выходъ, — скажетъ отецъ, когда Риднева, взявъ связку, вышла на свой порогъ. — Еще разъ прощайте! Мнѣ очень приятно, что я могу сдѣлать вамъ приятное, исполнить ваше желаніе...

— Мнѣ совѣстно... — сказала Риднева.

— Чего, помилуйте? Я не стѣсню ни васъ, ни себя; это, что называется, — настоящая полюбованная сѣбѣ. Для меня въ настоящее время не составляетъ разницы получить отъ васъ, вѣдь, денегъ, вещь, которую я признаю такой же стоимостью...

— Какъ развѣ... — выговорила Риднева.

У нея подкосились ноги.

— Конечно! Долго вашего болтунки — вы сами помните — быть ровно семьдесятъ пять рублей. Мы теперь кинты.

— Послушайте...

— Не беспокоитесь, все это прекрасно... Вероятно, вы простудитесь!

Отецъ уже спускался съ лѣстницы.

— Послушайте, подождите... Что-жъ это такое! — прожого вскрикнула Риднева, остановившись, какъ безумная, со связкой въ рукѣ среди своей комнаты. — Что это? Что мнѣ дѣлать? Куда я двинусь? Дура, безумная! Этотъ вѣдь обираетъ отца, губитъ его, а я-то къ нему! Всталъ отецъ обнѣзая, рубашкой, что на тѣлѣ... И выдѣлать, какою мѣнь, повалить, скорѣе бѣжать, чтобы назавтра въ больницу... Что дѣлать? Теперь ужъ некуда, и въ дѣлѣ чужаго кровнишныя, и туда не съ чѣмъ... Проходящій помощникъ заглянулъ...

— Чего вамъ?

— Ничего-съ, — усмѣхнулся отецъ. — Все мышки бѣгаютъ. Она смотрѣла въ его грубо-наглое лицо и засмѣялась.

— Мышки? А скоро отъ умараются отъ вашего дѣла?

— Кто ихъ знаетъ. Иная, когда видишь, завертывается, закружится, — должно быть, хвятила, — мерзетъ. Хотя теперь, а поглядѣть тоже не хочется.

— Не хочется.

— Да что, всё помереть! — весело рѣшить подождалъ: — что отецъ, что люди. Вотъ сколько утѣшенія про нихъ приготовлено. — Отецъ показалъ огромную склянку. — Иной и мыши, все равно, какъ человѣку, можетъ жизнь не мила, — разсуждалъ отецъ: — можетъ, и рада; бѣгать-то умалится; въ нѣмъ мѣстѣ повѣсть нечего...

— Слушайте, — прервала Риднева, — подите, принесите мнѣ счетъ, сколько я вамъ должна.

— Развѣ желаете ѣхать, сударыня? Повѣдуйте нѣтъ до утра.

— Я рано утромъ уѣду.

— Слушаю.

Половое потянуло въ окно склянку и побѣжало, Риднева отпихивалась и все стояла на своемъ порогѣ. У нея стучало въ вискахъ и въ тѣлѣ; ей хотѣлось пить и сѣсть. На лѣстницѣ опять послышалось шажки возвращающагося полового. Риднева схватила склянку, унесла ее въ свою комнату и опять стала у двери.

— Вот счесть, — сказала полой, подавая листок.

Она читала:
— „Комната, обить...“ Ну, и прочее. Только-то? Седьмь.

Она вошла кь себе, выискала деньги кь бумажника и расплатилась.

— Пусть лишнее оставьте себе.

— Покорныйше благодарю.

Половой ушел. Риднев посмотрела на фотографию в своемь бумажникъ...

„Какое это, какая роскошь — остался еще цѣный рубль. Можно еще на цѣный рубль раскупиться, пока... пока не заверглись“.

— Эй, воротитесь, — закричала она. — Вот, возьмите... принесите мнѣ сейчась коробки конфетъ, но лучше кь отъ Эрнера.

Она ходила по комнатѣ то скоро, то медленно, тѣ жеждо пристукивая и прислушиваясь, какъ гудѣть старый котелъ; иногда ударяла кулакомъ по столу, смѣялась отъ боли и слушала звонъ небрежныхъ чашекъ. Ей почудился сухой смѣхъ Епепкало; она передразнила. Вдругъ что-то испугало ее, перевелась кака-то тѣнь; она унаво свою тѣнь и остановилась, широко раскрывъ на нее глаза. Въ углу что-то забыло; ей воротникъ, лежащий сверху брошеннаго платья, показались какимъ-то обиднымъ липомъ, запрокинутымъ на спинку кресла.

Она охнула, ожала руки и не двигалась.

— Извольте-сь, — сказала полой, протворяя дверь.

— Что?.. Ахъ, да, хорошо. Не не стучитесь, не входите ко мнѣ пожалуйста! Я спать хочу.

— Да мы, сударыня, если насъ не зовутъ...

— Хорошо, хорошо!

Риднева крѣпко захлопнула дверь и съ какой-то эго-стною повернула ключъ въ замкъ.

— Ну-сь, Епепкало Васильевна!.. — громко сказала она, возвращаясь кь столу. — Теперь все готово.

Она развела розовую ленту коробки, которую ей принесли.

— Кажется, недурно... А тѣ-еще лучше.

Она еще не посмотрѣла на тѣ. Склѣпка осталась подъ диваномъ; она спрятала ее туда и не подождала. Она сѣла, облокотилась спокойно и ничего не думала.

Раскрытый бумажникъ съ фотографіей опять бросился ей на глаза.

— Люба, хочешь конфетку? — сказала она громко и саркастично. — О, дитя! въ тебѣ всю душу положила! Грѣшь, жить моя, помолосковъ противъ тебѣ не была виновата!

Прости... — видѣшь, для кого срамилась, — для твоей же тѣ зачѣмъ ее взялъ? Ну, ничего я не уволю, не могу, но я для нея подъ окна пошла бы просить, и прождала бы и я жила бы... было бы для чего жить! А теперь что же? Грѣши!.. одишь концы! Уйду кь мамѣ... Вы жиди примете, что ли? Или и вы протоните, не „гожусь“? Что тамъ у васъ?.. Господи! ужасъ!.. Честная женщина... при сотняхъ глазъ, при сотняхъ ушей... Прислушавшись, пряталась кь стыду! Изъ-за куска хлѣба... вотъ какой хлѣбъ насущный!.. Нѣтъ, теперь я свободна, я одна, я не хочу... Но хоть бы и хотѣла, — понимаете ли вы, сударыня, барышня багровная, понимаете ли вы, что нашей маменькѣ и срамиться — сунуться не съ чѣмъ?

Она помѣшанно хохотала.

— Конечно! вотъ здѣсь, въ этой грязь, сидеть будетъ конечно... И славно! Грѣшь, любовь моя, свѣтъ мой, поцѣлуй меня! Дай мнѣ вздохнуть, дай мнѣ предъ смертью легче вздохнуть, показаться, совѣтиться твоемъ поцѣлуй... О, какъ я тебя любила!.. Прощай!.. Довольно... Что-жъ, не ребенокъ я...

Она подошла кь дивану, протянула и отдернула руку. Она увѣрила себя, будто еѣ показало, что кто-то стучится... Все было тихо.

— Гадость, должно быть, ужасная. Изъ алтеки. Какъ это опускаться такъ неосторожно? мало ли можетъ быть несчастныхъ случаевъ, мало ли кому вздумается!.. Вотъ напирѣть мнѣ вздумалось... Это задохнешься отъ вони. Она опять открыла форточку. Большой звѣздъ уже не было.

— Хотя бы ее увидѣть. Куда онъ идетъ? направо или налево? Грѣшь, объясняй какъ-то... Тихо что-то. Всѣ въ театрѣ? А что, умираетъ кто нибудь въ городѣ въ эту минуту?.. Холодно... Гдѣ меня похоронятъ?.. Вотъ, чѣмъ обывать по уликамъ за вздоромъ, зайти бы лучше въ монастырь, гдѣ охоронена мать... А какъ это странно не знать матери.

Вдаль, въ рѣдкость вѣдухъ, раздавался бой часовъ.

